
ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-384-436

УДК. 821.161.1

«Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю.Г. Оксмана

© 2018, М.А. Фролов

Аннотация: Публикация включает в себя неизвестные выступления и заметки Ю.Г. Оксмана, посвященные вопросам текстологии, впервые публикуемые по сохранившимся стенограммам (Архив РАН) и автографам (РГАЛИ). Вступительная статья, основанная на материалах личного архивного фонда ученого, его переписке с коллегами и иных печатных и архивных источниках, рассказывает об эволюции взглядов ученого на значение и задачи текстологии, о его собственной многолетней эдиционной практике, об участии в подготовке академических изданий наследия А.С. Пушкина, А.И. Герцена, И.С. Тургенева, В.Г. Белинского, о его опыте решения конкретных эдиционно-текстологических задач.

Ключевые слова: Ю.Г. Оксман, А.С. Пушкин, А.И. Герцен, И.С. Тургенев, В.Г. Белинский, текстология.

Информация об авторе: Максим Андреевич Фролов, к.ф.н., с.н.с., ИМЛИ РАН, Москва, Россия.

E-mail: m.a.frolov@gmail.com

Цитирование: *Фролов М.А.* «Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю.Г. Оксмана // Литературный факт. 2018. № 9. С. 384–436.

Обстоятельства научной биографии историка литературы, пушкиниста, текстолога Юлиана Григорьевича Оксмана (1895–1970) сложились таким образом, что начиная с середины 1920-х гг. он был вовлечен в интенсивную деятельность отечественной литературоведческой школы по разработке и применению на практике принципов текстологической подготовки как академических, так и неакадемических изданий литературного наследия писателей и литературных критиков XIX столетия — Пушкина, Тургенева, Герцена, Белинского, Добролюбова, Рылеева, принципов научного комментирования и редактирования. Одним из активнейших участников этого процесса Оксман продолжал оставаться вплоть до последних лет жизни.

Поскольку в систематизированном виде этот многолетний опыт не был осмыслен им теоретически, скажем, в виде монографии, учебного пособия или учебно-методических разработок (таких, например, как труды Б.В. Томашевского, С.А. Рейсера, С.М. Бонди, Д.С. Лихачева и других ученых), нам представляется актуальной и востребованной попытка хотя бы кратко рассказать о текстологических взглядах Оксмана и познакомить читателя с его заметками и выступлениями по вопросам текстологии, которые еще не введены в научный оборот. Часть из них сохранилась в фонде Оксмана в РГАЛИ в виде набросков и заметок, а другая — в Архиве РАН в виде стенограмм. Обращаем внимание на то, что стенограммы в данном случае являются единственным источником информации об этих выступлениях Оксмана, так как упоминания о них сохранились только в переписке, а в архиве ученого документальные свидетельства работы над ними практически отсутствуют. Все очевидные оговорки Оксмана, равно как аналогичные ошибки и опiski в стенограммах, исправляются нами без дополнительных примечаний.

До настоящего времени в печати появились четыре публикации выступлений Оксмана по проблемам текстологии и эдиционной практики (разумеется, помимо прижизненных публикаций ученого на эту тему). В 1996 г. В.А. Викторovich опубликовал стенограмму выступления Оксмана на конференции по обсуждению юбилейного издания собрания сочинений Л.Н. Толстого (ноябрь 1935 г.). Затем, в 2003 г. В.Д. Рак напечатал фрагменты из доклада Оксмана «О некоторых текстологических и композиционных особенностях академических изданий Пушкина» (сопроводив их публикацией наиболее интересных выступлений коллег ученого — Д.Д. Благого, Т.Г. Цявловской, С.М. Бонди, Н.В. Измайлова, О.С. Соловьевой — в процессе обсуждения доклада), прочитанного на Одиннадцатой

Всесоюзной Пушкинской конференции 4 июня 1959 г., а также фрагмент из выступления Оксмана и Цявловской на публичном обсуждении десятитомного собрания сочинений Пушкина (издание вышло в свет в 1959–1962 гг.), происходившем 6 февраля 1963 г. в Москве в Государственном музее А.С. Пушкина. В 2005 г. С.И. Пановым была введена в научный оборот стенограмма выступления Оксмана, состоявшегося в декабре 1935 г. на заседании Пушкинской комиссии, которая является одним из последних документальных свидетельств публичных выступлений ученого по вопросам текстологии в 1930-е гг. (далее в научной деятельности Оксмана наступил десятилетний перерыв, связанный с трагическими обстоятельствами его биографии). Наконец, в 2017 г. В.С. Парсамов опубликовал небольшой фрагмент из заметок Оксмана к специальному курсу лекций «Вопросы текстологии», которые мы публикуем полностью¹.

После возвращения из мест заключения (в конце 1946 г.) в течение нескольких последующих лет ученый, работая на кафедре истории русской литературы Саратовского университета, вплотную занимался преимущественно проблемами биографии и текстологии Пушкина и Белинского. В частности, в это время он систематизировал и готовил к печати свои замечания по академическому Пушкину, а когда в 1953 г. начался выпуск собрания сочинений Белинского, Оксман, занятый методологическими вопросами подготовки подобных изданий, стал внимательно следить за работой редакционного коллектива. Совершенно естественно, что в эти годы ученый время от времени делал попытки фиксировать на бумаге собственные размышления. В частности, до нас дошли отрывочные, но, безусловно, содержательные заметки «Вопросы композиции в изданиях классиков», датируемые нами предположительно первой половиной 1954 г. В них уже пунктирно намечаются как принципиальные положения, исходя из которых ученый будет в дальнейшем строить свою редакторскую и комментаторскую работу, так и предпочтения, которые отразятся в его печатных и устных выступлениях.

¹ См.: *Оксман Ю.Г.* Стенограмма выступления на конференции по обсуждению юбилейного издания сочинений Л.Н. Толстого 11 ноября 1935 г. в Пушкинском Доме / Публ. В.А. Викторovichа // *Сюжет и время: Сб. науч. трудов к 70-летию Г.В. Краснова*. Коломна, 1991. С. 188–192; XI Всесоюзная Пушкинская конференция; Обсуждение в Московском гос. музее А.С. Пушкина Собрания сочинений А.С. Пушкина (М.: Гослитиздат, 1959–1962). 6 февраля 1963 // *Рак В.Д.* Пушкин, Достоевский и другие (Вопросы текстологии, материалы к комментариям). СПб., 2003. С. 229–245; *Оксман Ю.Г.* Николай Осипович Лerner / Вступ. статья и публ. С.И. Панова // *Пушкин и его современники*. Вып. 4 (43). СПб., 2005. С. 164–214; *Парсамов В.С.* Ю.Г. Оксман и революция 1917 г. // *Вестник РГГУ (Серия «История. Культурология. Филология. Востоковедение»)*. 2017. № 5 (26). С. 92–108.

Так, например, Оксмана очень беспокоила намечавшаяся в текстологической практике тенденция: работа редактора зачастую сводилась к транскрибированной передаче в издании всех имеющихся в его распоряжении материалов. Опасность ее заключалась в том, что работа творческая, предполагающая ответственность текстолога за выбор основного текста, как и за выбор представленных в издании дополнительных материалов, разъясняющих читателю историю создания художественного произведения, уступала место механическому их воспроизведению. С этим Оксман связывал стремление редакторов переносить в основной раздел тома сопутствующие материалы, предназначенные для публикации в разделе «Другие редакции и варианты». Следует подчеркнуть, что взгляды самого Оксмана с течением времени претерпевали определенную эволюцию. В издании Рылеева, подготовленном им в 1934 г., тексты наиболее существенных редакций и вариантов приводились ученым, конечно, не в подстрочных примечаниях к основному тексту, а в рамках комментария. Впоследствии он пришел к более традиционному пути — к публикации этих материалов в специальном разделе «Другие редакции и варианты». В публикуемых нами заметках проявилось также и отрицательное отношение Оксмана к злоупотреблению единым хронологическим принципом при выстраивании композиции издания.

Весной 1954 г. ученому представилась возможность высказать в присутствии большого числа коллег свое мнение о состоянии академического книгоиздания. 12 мая в Москве Оксман выступил с докладом на Всесоюзном совещании по вопросам текстологии, организованном Институтом мировой литературы совместно с Пушкинским Домом. За четыре дня, с 10 по 13 мая, на совещании прозвучали доклады и сообщения (в том числе выступления в прениях) М.П. Алексеева, В.С. Нечаевой, Д.Д. Благого, Н.К. Гудзия, Б.В. Томашевского, Б.П. Козьмина, П.Н. Беркова и других авторитетных текстологов. Отталкиваясь от основных положений доклада Благого «Типы советских изданий писателей-классиков»², Оксман в своем

² Благой говорил о необходимости полной договоренности о типах издания: *научных*, ставящих перед собой задачу установления канонического текста и создания научно-исследовательского комментария; *популярных*, которые должны опираться на научные издания; *академических*, ставящих, помимо задач научного издания, еще и задачу воспроизведения всех дошедших до нас печатных и рукописных вариантов, документирующих все стадии творческой работы писателя (см.: Совещание по вопросам текстологии // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1954. Т. XIII. Вып. 4. С. 392). В докладе Благого было высказано несколько замечаний, сближающих его точку зрения со взглядами Оксмана, в частности на опасность произвольности редакторского выбора и на жанровую специфику различных типов издания: «...выпуск полного собрания сочинений того или иного

выступлении затронул вопрос о процессе формирования нового типа советского академического издания, о его основе — эдиционном опыте предреволюционных и первых послереволюционных десятилетий, о проблемах и задачах, которые предстояло решить новым поколениям текстологов. Высказывая свою точку зрения на эту проблему, Оксман, по сути дела, сформулировал ряд критериев, по которым можно было бы, по его мнению, судить о том, является издание академическим или нет. Главным же объектом его критики стало полное собрание сочинений Белинского в 13 томах³, поскольку оно, во-первых, было заявлено редакторами как академическое, а во-вторых, к моменту проведения совещания из печати вышла лишь четвертая часть издания — три первых тома, что было поводом внимательно познакомиться с достижениями и недостатками в работе редакторов и комментаторов. Первому и главному принципу, заявленному Оксманом в самом начале выступления, издание сочинений Белинского не отвечало, что позволило ученому сделать вывод об основном текстологическом его недостатке, изначально поведшем редакцию по неправильному пути: «Академическое издание Белинского, которым я буду пользоваться, как примером, основано не на критическом изучении первоисточников, а на критическом изучении предшествующих изданий. Это грубая ошибка редколлегии».

Высказать свою точку зрения на еще одну текстологическую проблему, которой, по его мнению, не уделялось достаточного внимания, — атрибуцию — Оксмана заставил доклад Нечаевой. Он был посвящен главным образом вопросам установления «основных» («канонических») текстов литературных произведений и выдвигал в качестве основного принципа текстологической работы принцип

писателя-классика Академией Наук отнюдь еще не делает данного издания изданием академическим <...> Есть довольно распространенное мнение, что даже в академических изданиях нет необходимости воспроизводить все варианты, а следует идти выборочным путем <...> Мне представляется, что такой выборочный способ воспроизведения вариантов, не говоря о том, что он содержит много субъективных моментов, прямо противоречит основной цели академического издания <...> издание научного типа, в особенности, академическое издание не должно ставить непосредственно перед собой задачу популяризации творчества данного писателя, хотя, в конечном счете, они этому могущественно способствуют, создавая твердую научную текстологическую базу для изданий популярного типа. Наоборот, перед изданием массового назначения не должна стоять и не стоит непосредственно задача научно-исследовательского порядка, хотя массовое издание должно выполняться на высоком научном уровне, достигнутом к данному времени литературной наукой, и в этом смысле мы можем называть эти издания научно-популярными изданиями» (Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 36, 31–32).

³ *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953–1959. Состав редколлегии издания был следующим: Н.Ф. Бельчиков (главный редактор), Д.Д. Благой, Б.И. Бурсов (зам. главного редактора), А.Г. Дементьев, В.А. Десницкий, В.С. Нечаева, Н.К. Пиксанов, В.С. Спиридонов, Б.В. Томашевский.

«ненарушимости авторской воли» (подчеркивая право текстолога, при наличии убедительной аргументации, восстанавливать ее там, где она нарушена)⁴. Главная мысль, объединявшая доклады Нечаевой и Оксмана, заключалась в том, что при выборе и подаче в академическом издании редакций и вариантов одинаково недопустимы как произвольность в их публикации, так и полный отказ от необходимости выбора или, во всяком случае, правильного и последовательного учета имеющихся материалов. В своем докладе Оксман привел примеры, подтверждающие, что неполноценное и неточное воспроизведение текстологических материалов приводит к затруднению и ошибкам в понимании и интерпретации художественного произведения. Наконец, в завершение критического разбора первых томов академического издания Белинского Оксман еще раз коснулся вопроса о последствиях, к которым приводит недостаточно внимательное отношение текстолога к проблемам датировки, более того — о ее связи с самой историей появления того или иного текста.

Доклад, публикуемый нами, интересен еще и тем, что в нем Оксман попытался определить для себя содержание понятия «текстология»: в его понимании всегда существовала неразрывная связь текстологии и источниковедения. Это один из редких примеров опыта подобных размышлений ученого, поэтому позволим себе процитировать соответствующий фрагмент стенограммы: «...я к текстологии пришел от истории, от источниковедческих семинаров. И мне кажется, что текстология — это часть литературного источниковедения, которое, конечно, есть научная дисциплина, имеющая многовековые традиции. Об этих традициях напоминали нам и академик

⁴ Совещание по вопросам текстологии... С. 395. В выступлении Нечаевой мы также находим некоторые утверждения, которые содержательно пересекаются с основными положениями доклада Оксмана: «...основной текст становится каноническим текстом после того, как он критически рассмотрен текстологом и освобожден от всех вкравшихся в него, помимо воли автора, искажений. Если таких искажений нет, то основной текст является текстом каноническим <...> провозглашая своим главным принципом ненарушимость воли автора, беря за основной текст тот, в котором нашел отражение последний, окончательный этап работы писателя, текстолог не может механически руководствоваться этими положениями. Если в огромном большинстве случаев именно последнее прижизненное издание, в котором принимал участие автор и будет служить основным текстом для установления канонического, то всё же в отдельных случаях... текстолог имеет право отступать от указанных положений, соответственным образом мотивировав свое отступление <...> Текстолог обязан критически проанализировать основной текст, обязан изъять из него явные цензурные искажения, восстановить пропуски, исправить ошибки переписчика и описки автора, опечатки набора, но он должен к каждому случаю исправления относиться со всей серьезностью и осторожностью, привести доказательства, обосновать вносимые изменения, не гоняясь за новыми вариантами и не ставя себе задачу “улучшить” стиль писателя» (Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 73, 93, 123).

<В.В.> Виноградов, и <М.П.> Алексеев⁵, и <Д.С.> Лихачев. Это традиции, в которых текстология никак не фигурирует, а методика изучения текстов всегда выходила на первый план, а методика изучения текстов всегда входила в литературное источниковедение»⁶.

⁵ Ср. с интереснейшими соображениями и оценками, высказанными в пленарном докладе М.П. Алексеева, который отмечал «настойчивое стремление считать текстологию наукой, а не комплексом вспомогательных навыков, применяемых для достижения определенных научных целей» и «самую терминологию, бытующую среди текстологов, в которой еще немало произвола, несогласованности, смещения понятий, случайностей, допускающих споры не по существу, а иногда и вовсе бесполезных». Надо сказать, что сходным было отношение Оксмана и Алексеева к самому понятию «воли писателя» и его определениям, носящим категорический, но в то же время не до конца проясненный характер, с чем, по мнению Алексеева, были связаны «непоследовательные попытки отстаивать так называемую “волю писателя”, понимаемую нередко в абстрактном, почти метафизическом смысле, и приводящие иногда к утрате объективно-исторического критерия публикуемого текста» (Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 19–20). Близкие процитированным выше определения прозвучали также в докладах Б.В. Томашевского («...никакой рецептуры, никаких фокусов для решения текстологических задач нет. Решение текстологических задач производится на основании науки и здравого разума <...> Есть два единичных принципа: первый — будь честен, второй принцип — ищи истину <...> Практическая дисциплина все-таки текстология, научная, но не наука. Не надо путать систему знаний и практическую дисциплину, направленную к тому, чтобы построить собрание сочинений. Это, если хотите, текстология <...> Задача текстологии изучать текст. Это есть практическая дисциплина. А теоретической наукой является филология. Это есть применение филологических знаний к практической деятельности») и Т.Г. Цявловской («Можно ли составлять инструкции по такому тонкому, сложному, чреватому неисчислимым количеством неожиданностей предмету, как подготовка авторского текста? Это уже вопрос. Не только каждый писатель, но и каждое произведение таит в себе свои, ему одному принадлежащие трудности. А предлагается установить канонический текст. Это — заведомо ошибочное понятие, отзывающееся невероятной в наш век схоластикой»). См.: Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 328. Л. 40, 48, 49; Ед. хр. 329. Л. 13.

⁶ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 328. Л. 82. Критике академического издания Белинского были посвящены еще три выступления Оксмана: 1) на Ученом совете ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР 6 мая 1954 г. с докладом «Об ошибках, допущенных в академическом издании полного собрания сочинений Белинского»; 2) с 21 по 22 декабря Оксман принимал участие, в качестве одного из докладчиков, в сессии редакционной коллегии Академического издания сочинений Белинского; 3) 25 мая 1960 г. (после завершения всего издания) на конференции по вопросам атрибуции анонимных литературных памятников, проходившей в ИРЛИ, ученый выступил с сообщением «Об ошибках в атрибуциях анонимных текстов Белинского в академическом издании его сочинений» (Отчеты о научно-исследовательской работе // ИРЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1090. Л. 5, 22). Наиболее ранний отзыв об «академическом» Белинском, говорящий также о намерении и готовности Оксмана выступить с критикой на предстоящем текстологическом совещании, содержит его письмо к П.Н. Беркову от 31 декабря 1953 г.: «Я внимательно проштудировал новейшее издание Белинского (два первых тома) и пришел к заключению, что это издание не выдерживает никакой критики ни в текстовом отношении, ни в объяснительной части. Выбор основного текста никак не мотивирован, подлинные тексты Белинского исключены или изувечены, раздел “вариантов и других редакций” упразднен, атрибуции анонимных статей висят в воздухе, а в примечаниях объяснено всё то, что не требует объяснений, и обойдено молчанием всё, мало-мальски непонятное <...> Но главное — это непродуманность общих принципов издания, отсутствие предварительной источниковедческой работы, молчание об этих источниках (издание Кетчера, Галаховские списки, труды Венгерова и Спиридонова) <...> на что опирается новый Белинский? Видимо, только на Венгеровское издание, почему эта “тайна” скрыта от читателей? Так вот, мне хочется поднять на текстологическом совещании (которое

Через два года после того, как в Москве состоялось совещание по вопросам подготовки академических изданий, Оксман оказался непосредственным участником работы над одним из них — собранием сочинений Герцена в 30 томах. В августе 1956 г. Оксман был включен в состав редколлегии этого издания по представлению главного редактора В.П. Волгина⁷. Несколькими месяцами ранее, в марте 1956 г. в печати появилась написанная ученым еще в пору работы в Саратове обстоятельная рецензия, посвященная критическому разбору первых шести вышедших томов издания (всего к этому времени вышло из печати семь томов)⁸. Она ясно свидетельствует о том, насколько его волновал общий уровень научной подготовки очередного академического собрания сочинений, равно как и о том, насколько решительно он был настроен участвовать в его подготовке как редактор и комментатор. Рецензия интересна не только как отзыв внимательного критика, но и по форме: далеко выходя за пределы жанровой специфики, она представляет собой полноценную научную статью, содержательно дополненную историко-литературным критическим обзором, посвященным важнейшим дореволюционным и первым советским изданиям герценовского наследия, а также рассказом о печатной судьбе наследия Герцена на родине до 1917 г. и находках последних лет в крупнейших архивохранилищах страны (в частности о материалах коллекции Герцена-Огарева, переданных в СССР из Русского зарубежного исторического архива в Праге).

когда-нибудь все-таки состоится) вопрос о злоупотреблении в самой терминологии «академическое издание»» («Искренне Ваш Юл. Оксман» (письма 1914–1970-го годов) / Публ. М.Д. Эльзона, предисл. В.Д. Рака, примеч. В.Д. Рака и М.Д. Эльзона // Русская литература. 2003. № 4. С. 205).

⁷ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1078. Л. 8; выписка из протокола заседания Бюро ОЛЯ АН СССР от 6 августа 1956 г. В архиве Оксмана сохранились материалы 1954–1960 гг., связанные с этим изданием: текстологические паспорта и проспекты томов, протоколы заседаний редакционной коллегии (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1092–1096).

⁸ См.: *Оксман Ю.Г.* Новое издание Герцена // *Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка.* 1956. Т. XV. Вып. 2. С. 166–171. Текст рецензии был практически завершен и подготовлен к печати в самом начале 1956 г., об этом говорит, в частности, письмо Оксмана Б.П. Козьмину от 8 января: «На днях доделал свой разбор академического Герцена — присоединил еще два тома — V и VI. Впечатление общее у меня не изменилось — Герцен остается единственным подлинно академическим изданием» (НИОР РГБ. Ф. 520. Карт. 46. Ед. хр. 62. Л. 25об.). Спустя два месяца после выхода рецензии из печати в письме тому же корреспонденту Оксман, подводя итоги высказанным в опубликованном тексте замечаниям и соображениям, подчеркнул основной мотив, двигавший им во время написания и влиявший на отношение ученого к проблемам академического книгоиздания в целом: «Мне хотелось отметить в издании его отличия от того, что стало в последние годы стандартом академических полн<ых> соч<раний> классиков — потерю специфики (варианты или вовсе не печатаются или даются в произвольно сокращенных пропорциях, комментарий ничем не отличается от массовых изданий) <...> Не то Герцен! Это сделано всерьез, любовно, с соблюдением всех правил внешней и внутренней структуры академического издания и т.п.» (Там же. Л. 34–34об.).

Весной 1958 г., накануне выхода томов, содержащих статьи из «Колокола» и другие произведения 1857–1863 гг., перед редакцией издания встала серьезная проблема, обсуждению которой было посвящено специальное заседание Ученого совета Института мировой литературы «по вопросу о композиции XIII и последующих томов полного собрания сочинений А.И. Герцена», состоявшееся 28 апреля. Проблема заключалась в том, что единый хронологический принцип, принятый в качестве основного при выстраивании композиции томов издания, приводил, по мнению Оксмана и в особенности главного редактора Волгина, к смешиванию центральных, чрезвычайно значимых в литературном наследии писателя произведений с менее значимыми, второстепенными, а также к некоторому разному в отношении тематики и жанров публикуемых текстов. Этот вопрос многократно становился темой выступлений ученого.

На сей раз Оксманом был предложен принцип, который он назвал «жанрово-хронологическим». Причем Волгин трактовал этот принцип достаточно радикально, а Оксман старался найти решение если не универсальное, то, по крайней мере, дающее возможность при рассмотрении каждого конкретного случая в целом сохранять последовательность в выборе. На заседании ученый напомнил собравшимся, что в свое время им была подготовлена специальная записка, которая «родилась в результате сложных поисков выхода из тупика, в который мы попали после того, как большая часть членов редколлегии и Института была вынуждена пойти на уступки издательству Академии наук, отказаться от тех принципов, которыми руководствовались с самого начала». И далее в своем выступлении Оксман сказал следующее: «Это важно, когда мы будем оценивать причину и природу это отказа. Но этот отказ вынуждал искать других выходов. Тот выход, который намечается акад<емиком> Волгиным, вовсе не так смешон и наивен, как пытаются представить противники этих поисков другого выхода. Другое дело — это тот порядок, в котором осуществляется отделение одних статей от других. Здесь нужно очень тщательное взвешивание и обдумывание вопроса расположения материала, за что должна отвечать редколлегия в целом. Я думаю, что главный редактор не может решать этого вопроса единолично. Это — тактическая сторона дела. Второе принципиальное отличие моей позиции от позиции В.П. Волгина при отделении одного материала от другого. Вячеслав Петрович выдвигает принцип значимости в первую очередь. Мне кажется, что этот принцип и дает основа-

ние для тех нападок, которые были — о конкретном размещении материала в томах, которые привели к той неразберихе, за которую ухватились враги жанрового принципа расположения материала»⁹. Т.е. Оксман понимал под жанрово-хронологическим принципом учет не только тех особенностей, которые подразумевает само его название, но и той индивидуальной специфики, которая выявляется при публикации каждого отдельного произведения, от программной статьи до редакционного примечания в две-три строки или текста корреспонденции, обработанной Герценом для «Колокола»¹⁰.

Решение, вынесенное по результатам обсуждения предложения Оксмана и Волгина, гласило: «Ученый совет поддерживает мнение большинства членов редколлегии и считает, что отход от хронологического распределения публицистического материала, помещенного Герценом в “Колоколе”, и разделение этого материала на более и менее значительные статьи, — открывает возможности для субъективного произвола и не отвечает научным задачам академического издания»¹¹.

Несмотря на столь категоричный отказ от смены принципа построения издания, редколлегия всё же приняла во внимание некоторые другие предложения, внесенные Оксманом еще два года назад, в самом начале его сотрудничества с Герценовской группой. Об этом свидетельствует отзыв ученого о рукописи тома 13, датированный 2 сентября 1956 г. Одно из предложений, высказанных в нем, касалось композиционного построения всего тома — Оксман предлагал ввести раздел, который бы включил различные тексты, носящие редакционно-прикладной характер, но не теряющие от этого своей

⁹ НИОР РГБ. Ф. 520. Карт 40. Ед. хр. 42. Л. 8.

¹⁰ Позицию Оксмана проясняет его письмо к Козьмину, написанное за два дня до Ученого Совета, 26 апреля 1958 г.: «...на Уч<еном> Совете я постараюсь всё же обосновать теоретическую допустимость не только хронологического принципа композиции в чистом виде, но и сочетание принципа хронологического с жанрово-тематическим. Субъективистский дух появляется только в результате внесения в эту схему композиции принципов большей или меньшей значимости той или иной публикации. На мой взгляд оба раздела первой части должны быть равнозначны в общест<венно>-полит<ическом> и лит<ературном> отношении, техника их подачи (“спуски” или “в подверстку”) навязывается нам со стороны, в целях экономии бумаги — и только!» (НИОР РГБ. Ф. 520. Карт. 46. Ед. хр. 62. Л. 48об.-49).

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 520. Карт 40. Ед. хр. 42. Л. 33. Единственной попыткой обосновать свой отказ от данного предложения и привести какие-либо аргументы в пользу мнения большинства членов редколлегии стало выступление С.А. Макашина, который считал, что «Ю.Г. Оксман совершает одну ошибку, которая заключается в том, что в отношении политической литературы и публицистики применяется критерий, который пригоден для художественной литературы и для другой литературы» (Там же. Л. 17). Остальные участники заседания вообще не сочли нужным вступать в серьезную полемику.

значимости: «В результате очищения основной части XIII тома от всего того, что не является литературным произведением в строгом смысле этого слова, мы не только удовлетворим естественные требования широкой читательской аудитории, но, что гораздо более важно, обеспечим необходимую стройность всей конструкции XIII тома в целом. В связи же с расширением последнего раздела тома можно было бы рекомендовать изменение и названия его — вместо “Заметки и редакторские примечания” определить эту часть XIII тома как: “Редакторские примечания, извещения и справки в “Колоколе”, “Полярной звезде”, “Голосах из России” и в других изданиях 1857–1858 гг.”. Весь этот раздел следовало бы печатать не в “Приложениях”, а в конце основной части XIII тома, с особым шмуцтитлом. Таким образом, последним разделом тома станет “Dubia”»¹². Если мы обратимся к тексту вышедшего в 1958 г. тома 13, то увидим, что предложение Оксмана было принято практически без каких-либо изменений: после основного раздела «Статьи из “Колокола” и другие произведения 1857–1858 гг.» следуют разделы «Редакционные заметки, примечания, объявления», «Dubia», «Другие редакции» и в качестве «Приложения» — «Корреспонденции, обработанные в редакции “Колокола”»¹³.

В том же отзыве можно найти интересные замечания Оксмана, касающиеся решения конкретных текстологических задач при публикации текстов Герцена. Так, например, текст «Предисловия», открывавшего первый выпуск «Колокола» и том 13 академического собрания, было решено печатать не по первоисточнику, а по его перепечатке в сборнике 1863 г. «Десятилетие Вольной Русской Типографии в Лондоне». Оксман обратил на это внимание редакции и предложил собственное решение: «Правомерно ли это? Ведь в сборнике 1863 г. это “Предисловие” воспроизведено не полностью, а с сокращениями характернейших цитат и с устранением весьма

¹² НИОР РГБ. Ф. 520. Карт. 40. Ед. хр. 37. Л. 3.

¹³ К слову сказать, и включение последнего из перечисленных разделов в том состоялось благодаря инициативе Оксмана. Это подтверждает его письмо к Козьмину от 4 октября 1957 г.: «...Принадлежит мне инициатива введения только одного раздела в “Приложениях” — это “Статьи и документальные материалы, редакционно обработанные Герценом”. В этот раздел входят статьи и материалы, представляющие существенный обществ<венно>-полит<ический> интерес (напр<имер>, “Освобождение крестьян”, “Проф. <П.В.> Павлов и Тимашевка”), в тексте кот<орых>, однако, доля участия Герцена, как автора, очень невелика и обычно чисто “химически” соединена с чужим материалом <...> Я и сейчас настаиваю на том, чтобы эта рубрика оставалась в наших томах <...> Что же касается первой части раздела “Приложения”, куда входят “Редак<ционно>-издат<ельские> заметки, вставки, информация, подстр<очные> примечания к чужим статьям” и т.п., то мое мнение таково, чтобы этот раздел шел после основного перед “Dubia”» (НИОР РГБ. Ф. 520. Карт. 46. Ед. хр. 62. Л. 37, 37об.).

существенного примечания Герцена. Принцип последней авторской воли — это очень правильный принцип, но им нельзя пользоваться механистически. Так, например, едва ли следует опираться на эту “последнюю волю”, если она получила выражение не в нормальных условиях переиздания того или иного произведения, а при включении его в какую-нибудь хрестоматию, в сокращенные издания массовой литературы, в сборники для детского чтения и т.п. Сборник “Десятилетие Вольной Русской Типографии” — это юбилейная памятка, своеобразный информационный бюллетень хрестоматийного типа, очень ограниченный в своем листаже, а потому и требующий сокращения вводимого в него материала. Такие сокращения и были сделаны, может быть, даже не самим Герценом, а кем-либо из его технических сотрудников, каким-нибудь корректором или метранпажем. Если бы правка текста в юбилейном сборнике имела характер улучшения или уточнения тех или иных слов и строк, мы имели бы основание эту правку учесть (именно “учесть”, а не принять безоговорочно)»¹⁴. В том же это предложение Оксмана было полностью принято — «Предисловие» было опубликовано по первопечатному тексту¹⁵.

Второй пример редакторского и текстологического мастерства Оксмана — его решение вопроса о публикации в том же томе текста статьи Герцена «Über dem Roman aus dem volksleben in Russland (Brief an die Übersetzerin der “Fischer”)». Впервые она была опубликована в качестве предисловия к немецкому изданию романа Д.В. Григоровича «Рыбаки» (перевод статьи, выполненный М. Мейзенбург, был авторизован Герценом), а ее автограф долгое время считавшийся утраченным, был обнаружен в 1940-е гг. в составе «Пражской коллекции». Л.Р. Ланский, редактировавший том, выбрал для публикации текст французского автографа, но в силу того, что в нем не хватало двух последних страниц, решил восстановить их по тексту немецкого издания. Этому решению Оксман посвятил отдельный абзац в своем отзыве: «Мне кажется, что вопрос о замене немецкого авторизованного печатного текста рукописным французским автографом, с присоединением к последнему двух страниц немецкого издания, разрешен слишком поспешно. Контаминация в основном тексте двух *редакций* статьи, к тому же разновременных и разноязычных, сама по себе не очень правомерна и сразу жестораживает как слишком уж необычный текстологический эксперимент. Оправдывается

¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 520. Карт. 40. Ед. хр. 37. Л. 5.

¹⁵ См.: Комментарии // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 13: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1857–1858 гг. М., 1958. С. 485.

ли, однако, этот сложный эксперимент необходимостью? В самом деле, какие преимущества у неоконченного французского автографа перед законченным немецким текстом, авторизованным Герценом? <...> Между тем большая литературно-техническая правка французского автографа, особенно последних его страниц, свидетельствует о том, что перед нами вовсе не беловой текст, а, видимо, начальная редакция статьи. На каком же основании эта начальная редакция статьи, хотя бы и автограф, предпочитается редакции окончательной, к тому же и более полной, совершенно законченной? Итак, вместо компилятивного французско-немецкого текста в XIII томе академического издания Герцена надлежит печатать законченную немецкую редакцию статьи “Über dem Roman aus dem volksleben in Russland”, а текст французского автографа должен быть воспроизведен в разделе “Иные редакции и варианты”»¹⁶. Это предложение также было принято в томе 13 без всяких корректировок, а в комментарии к статье сообщалось: «Печатается по тексту немецкого авторизованного перевода М. Мейзенбург, который опубликован впервые в качестве предисловия к книге “Die Fischer. Ein Roman von D. Gregorowitsch”, Hamburg, 1859. Статья написана на французском языке, на котором, однако, никогда не издавалась. Французская редакция текста дошла до нас в неполном виде и поэтому публикуется в разделе “Других редакций”»¹⁷.

В июле 1958 г., в связи с кончиной Козьмина, на Оксмана были возложены обязанности заместителя главного редактора издания¹⁸. Впоследствии, в 1958–1964 гг. он был ответственным редактором — как персонально, так и совместно с Л.М. Долотовой, И.Г. Птушкиной, В.А. Путинцевым и И.Ю. Твердохлебовым — восьми томов издания (14, 15, 18, 19, 24, 26, 28, 30). Как комментатор он принял участие в подготовке двух томов — седьмого (комментарий к двум разделам книги «О развитии революционных идей в России») и уже упомянутого тринадцатого (Оксману принадлежит композиция всего тома, значительная часть редакционной преамбулы, редакция примечаний и установление структуры заметки «Правда ли?» в первом номере «Колокола»).

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 520. Карг. 40. Ед. хр. 37. Л. 6-7.

¹⁷ Комментарии // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. С. 534.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1078. Л. 13. Выписка из распоряжения Президиума АН СССР № 49–1145 от 23 июля 1958 г. См. очень интересный и содержательный мемуарный очерк И.Г. Птушкиной, работавшей с Оксманом в эти годы: Ptouckina I. Julian Grigor'evič Oksman et son rôle dans l'édition académique des Oeuvres d'Alexandre Herzen: ébauche de Mémoires // Revue des études slaves. 2012. Vol. 83, numéro 1. P. 41–64.

Многолетняя редакционная и комментаторская работа естественным образом впоследствии потребовала некоторой систематизации и анализа в рамках печатной работы или публичного выступления. Именно так и произошло, о чем сохранилось единственное документальное свидетельство. 5 июня 1962 г., когда из печати вышел уже 26-й том собрания, на выездном заседании Бюро ОЛЯ АН СССР в Ленинграде Оксман выступил с докладом «О типах академических изданий собраний сочинений русских классиков (Опыт издания сочинений и писем Герцена)», где подвел итоги работы редакционного коллектива. Отметим главные положения этого выступления. Удачным обстоятельством, по мнению ученого, явилась организация работы над изданием как редакционного и авторского сотрудничества исследователей разных специальностей. Как и в рецензии 1956 г., в докладе Оксман отметил важнейшие публикации, предшествующие подготовке собрания (в первую очередь издание Лемке) и ставшие важным подспорьем в поисковой и текстологической работе. В своем выступлении Оксман вернулся к вопросу о композиции издания, и в данном случае мы имеем возможность увидеть, что принципы построения томов, которые он ранее отстаивал в своих критических выступлениях, как устных, так и печатных, в значительной степени были применены на практике. Как следует из стенограммы доклада, принципы публикации сопутствующих текстологических материалов (редакций, вариантов, разночтений и т.д.), в разработке и корректировке которых ученый принимал ближайшее участие, также получили практическое воплощение, что было специально отмечено Оксманом. Издание Герцена было практически первым серьезным опытом научной публикации общественно-политических и агитационных литературных памятников. И если в рецензии 1956 г. Оксман, как мы помним, посвятил проблемам их публикации одно из замечаний, так сказать, методологического характера, в данном случае речь шла уже о характеристике конкретного эдиционного опыта.

Теперь необходимо сказать несколько слов об обстоятельствах появления на свет тех заметок (непосредственно связанных с потребностью составления некоего плана, программы разговора с аудиторией), которые печатаются нами в заключение настоящей публикации. В Саратовском университете Оксман вел два специальных курса, или, иначе говоря, семинара, стремясь поделиться со своими учениками текстологическим опытом, накопленным за несколько десятилетий эдиционной практики, — «Историография и

источниковедение русской литературы» и «Вопросы текстологии»¹⁹. Сохранившиеся в архиве ученого черновые наброски тезисов для курса лекций (датируемые нами второй половиной 1950-х гг.) позволяют судить о его взглядах, зачастую весьма дискуссионных, на тогдашнее положение текстологии и на важнейшие задачи, стоящие перед ней. Кроме того, это одна из первых в наследии Оксмана попыток осмыслить само понятие «текстология» и определить ее место в ряду других филологических и источниковедческих дисциплин. В этих же заметках Оксман писал об отсутствии изданий, в которых был бы обобщен практический текстологический опыт нескольких десятилетий, а также об опасности механического, формального подхода в решении текстологических проблем. Важнейшим правилом текстологической работы Оксман считал недопустимость окончательных формулировок и универсальных решений, в особенности — в отношении проблемы канонического текста, ставшей на долгие годы одним из основных предметов спора текстологов, что также нашло отражение в публикуемых заметках.

В процессе формирования современного типа академических и неакадемических многотомных изданий Оксман не играл второстепенную роль стороннего наблюдателя и критика. Многие из принципов, разработанных и испытанных на практике им и его коллегами-текстологами еще в начале 1930-х гг., впоследствии, по мере развития источниковедения и текстологии, накапливания эдиционного опыта, претерпевали серьезные изменения, но были их отправной точкой, что нельзя не принимать во внимание. Нельзя забывать и о том, что для самого Оксмана такой отправной точкой служил опыт дореволюционных изданий, к которому он относился неизменно критически, но одновременно с четким осознанием значения сделанного его предшественниками. С течением времени, вместе с развитием текстологии в целом, менялись и подходы Оксмана к решению тех или иных проблем, касающихся композиции изданий, выбора основного текста, проблем датировки и атрибуции, а также интерпретации и публикации сохранившихся редакций и вариантов. Путь, пройденный отечественной текстологией в области подготовки академических и неакадемических собраний сочинений русских писателей в 1930–1960-е гг., отразился в наследии ученого во всей полноте.

¹⁹ Одно из ранних упоминаний о тех специальных курсах, которые ученый вел в университете, содержит письмо Оксмана к Козьмину от 15 октября 1952 г.: «В этом году у меня новые курсы — “Советский историч<еский> роман” и “Текстология”, а кроме того “Белинский и его время”» (НИОР РГБ Ф. 520. Карг. 46. Ед. хр. 62. Л. 150б.).

I.

**Стенограмма совещания ИМЛИ и ИРЛИ АН СССР
по вопросам текстологии. Москва, 10–13 мая 1954 года.
Выступление Ю.Г. Оксмана, 12 мая 1954 года**

Товарищи, я в основном свое сообщение хотел бы посвятить докладу Д.Д. Благого «Типы советских изданий писателей-классиков». Этот доклад, который был сделан первым, но напечатан вторым — не знаю почему, — с него надо было начинать обсуждение, — особенно ценен потому, что он характеризует положение с советскими изданиями писателей-классиков на сегодняшний день. Этот доклад обобщает огромный опыт, обобщает всё то, что появилось в печати за последние годы на эту тему, и вносит ряд конструктивных предложений.

Мне хочется отметить, что эти конструктивные предложения, которые отличают оба доклада¹, все-таки являются принципиально очень важным и ценным отличием этих докладов от обычных докладов, тезисы которых мы читаем. Другой вопрос — как решены многие вопросы. Я считаю совершенно неизбежным, что в предложениях, которые вносятся отдельными лицами, имеются ошибки, недочеты, субъективизмы, но самая попытка внести в систематическом виде эти конструктивные предложения, а не ограничиться описанием положения на том или ином участке научного фронта — это уже достижение.

Д.Д. Благой, характеризуя положение на сегодняшний день и пытаясь определить точнее типы советских изданий писателей-классиков, больше всего (это совершенно естественно и необходимо) останавливается на вопросе об академических изданиях. К сожалению, слова академические издания фигурируют в его докладе, как так называемые, в кавычках, он не знает академических изданий, а говорит о так называемых академических изданиях. Даже Пушкин, наша гордость советской текстологии, не удовлетворяет Дмитрия Дмитриевича. Не удовлетворяет с точки зрения изменившихся требований к академическому изданию. В этом отношении он прав. Изменяются требования, изменяется отношение. В 1954 году нас не удовлетворяет большой академический Пушкин². Мне хотелось бы,

чтобы это более ясно было подчеркнуто, что не удовлетворяют нас эти издания сегодня. Меняется адрес, меняется аудитория, которая употребляет академические издания. Совершенствуется наша техника, совершенствуются наши знания и т.д. А минусом этого прекрасного доклада и замечательно точно сформулированных тезисов является нечеткость некоторых положений, которые дают повод заподозрить Дмитрия Дмитриевича в недооценке, даже в нигилистическом отношении к созданию академических изданий классиков. Это гордость нашей науки, это гордость советской текстологии, это гордость русской науки, поскольку <это> академические издания русских классиков, несмотря на недочеты, которые нам ясны, и с изучения которых мы начинали свою работу, и мимо них пройти нельзя.

50–60 лет тому назад эти издания были огромным достижением, были гордостью русской науки. Мы — советские текстологи пришли к работе по изданию классиков в результате опыта прошлых изданий. Некоторой ошибкой Дмитрия Дмитриевича (я объясню, почему это произошло) является невольное зачеркивание того, что было сделано на этом участке нашими текстологами. (*Д.Д. Благой*: Дореволюционными?) Дореволюционными и советскими.

Дмитрий Дмитриевич исходит из идеального представления об академическом издании нового типа, того типа, который мы должны создать и которого еще нет. И в этом отношении опыт всех наших изданий очень поучительный и очень интересный. Но этот опыт, который значителен и интересен, он не позволяет зачеркивать полностью то, что сделано. У нас есть не так называемые академические издания, а академические издания, которые были в свое время, в свой определенный период, жили полноценной жизнью, на которых мы учились, на недостатках и достижениях которых строится сегодняшняя наука.

Чем я объясняю эту ошибку, может быть, фразеологического порядка, Дмитрия Дмитриевича? Я ее объясняю потрясающим отступлением от норм и достижений советской текстологии, которое наблюдается в изданиях последних лет, особенно послевоенного периода. Это снижение уровня академических изданий, отказ от больших достижений советской текстологии — характерны для этих изданий, и это может внушить мрачные мысли, даже пессимистические настроения и признать, что неблагополучно не только настоящее, но и всё, что делалось. Учитывая большие требования, нужно создавать новые типы изданий, поскольку плохо обстоит дело на этом участке.

Академические издания в советскую пору издаются не только Академией Наук. Много издает Гослитиздат, Библиотека поэта, это издания, не уступающие ни в чем изданиям, выпускающимся Академией Наук.

Чем отличаются академические издания от всяких других изданий, критических изданий классиков? Не только полнотой и точностью, не только комментариями. Эти издания отличаются от всех других методом своего построения. Подлинно академическим изданием является издание, основанное на критическом изучении всех первоисточников, связанных с творчеством того или иного писателя (первоисточников печатных и рукописных).

Это основное, чем отличается академическое издание от других. Неважно, кто будет издавать издание того или иного классика. Важно, чтобы принцип был — критическое изучение первоисточников.

Отвечают ли этому принципу наши издания? Я остановлюсь на последнем издании для примера — на академическом издании Белинского, поскольку это издание нарушает все правила и нормы, снижает все достижения, зачеркивает опыт советских текстологов, и это будет мне служить примером ошибок и недочетов, которые привели Дмитрия Дмитриевича в мрачное настроение, что существует так называемое академическое издание. (*Д.Д. Благой*: Так называемое — никакого пренебрежения в этом не было).

Даже о том, что сейчас утрачено представление об академическом издании и так называемом академическом издании, что утрачено представление о различии изданий, свидетельствуют авторитетные рецензии на эти издания. Белинский не является исключением из правила. На нем резко отразились все недочеты. Академическое издание Ломоносова³ — это академическое издание или так называемое? Берков — специалист по Ломоносову, специалист по XVIII веку, неплохой текстолог, он говорит, что в строгом смысле академическим это издание нельзя назвать <...> Мне кажется, что академическое издание может быть одно, удовлетворяющее принципам, которые сложились, установились в русской филологической науке, закреплённые советской текстологией, которые представлены теми изданиями, которые нам известны. Пушкин — 16-томник — это академическое издание, которое может быть полным. Принципиально это издание отвечает высоким требованиям текстологии. Несмотря на ряд недочетов, на ряд грубых ошибок в некоторых томах, академическим изданием является Гл<еб> Успенский, несмотря на то, что оно выпущено Гослитиздатом⁴. Академическими изданиями являются некоторые издания «Библиотеки поэта», я имею в виду издания, которые редактировались Томашевским⁵.

Издательство Академии выпускало издания, которые не были построены на критическом изучении первоисточников. Академическое издание Белинского, которым я буду пользоваться, как примером, основано не на критическом изучении первоисточников, а на критическом изучении предшествующих изданий. Это грубая ошибка редколлегии. Редколлегия может говорить, что это не так, что отдельные редакторы изучали первоисточники и на основе тщательного изучения этого материала выбирали заново тексты Белинского, одновременно справляясь с тем, каково было мнение по поводу того или иного текста издателей Белинского.

Но я думаю, что это издание всё же не основано на изучении первоисточников, так как если бы было так, оно не изобиловало бы такими грубыми ошибками, что уже можно сказать на основе вышедших трех томов.

Основные трудности, которые встают при издании русских классиков, они вытекают из специфики литературного процесса, что он связан с революционным движением, с освободительной борьбой писателей. Это служение русских писателей делу революции и получило свое отражение в их литературной практике. Огромное количество их произведений печаталось анонимно, подпольно, иногда с достаточным затемнением имени автора. Это имело место и в отношении рукописей, и в отношении произведений, печатавшихся в журналах, — немалая часть их печаталась анонимно.

Вот почему проблема атрибуции является основной проблемой, особенно, когда речь идет об издании революционно-демократических классиков, кончая Пушкиным и Горьким.

Поэтому, хотя в основном я согласен с тезисами основного доклада В.С. Нечаевой, но я считаю большой ошибкой, что она мало уделила внимания проблеме атрибуции в своей основной работе.

Этим отказом от учета и понимания важности проблемы атрибуции страдало и издание Белинского. В полное собрание сочинений не вошли тексты Белинского, которые есть все основания считать принадлежащими Белинскому, и вошли многие тексты, в отношении которых нет никаких оснований считать их принадлежащими ему. Между тем, если есть тексты, которые нельзя ответственно и полностью считать принадлежащими Белинскому, то нет никаких оснований засорять ими академическое издание Белинского.

Вторым признаком, отличающим академическое издание, является внимательный учет так называемых иных редакций и вариантов. В массовых изданиях и изданиях школьного типа это не нужно,

но академические издания всегда гордились этим, — этим вторым разделом полного собрания сочинений.

Между тем в академическом издании Белинского этот раздел отсутствует вовсе. Самочинная ликвидация этого раздела привела к тому, что даже те особые случаи, когда мы располагаем автографами Белинского, — а надо сказать, что автографов этих почти не сохранилось, и процентное отношение их к печатному тексту составляет 0,5–0,6 % — и даже эти редкие автографы не учтены полностью, как это подобает.

Как же они учтены? Они разбиты на страницы, страницы разбиты на отдельные слова, и эти отдельные словечки по подбору редактора присутствуют, перемешанные с отдельными комментариями.

Но я, как текстолог, не могу верить ничему и ничьему отбору произвольному, и не верю, что отбор этот произведен рационально, что он обеспечивает самое главное, но ведь сегодня самым главным может являться одно, а если мы захотим в другом аспекте подойти к произведениям Белинского, самым главным будет другое, — именно то, что сегодняшнему редактору казалось неважным.

Эта выборочная система, ликвидировав второй раздел, превращает всё это дело в затуманивание мозгов. Все эти варианты приведены очень случайно и не отражают ценных особенностей автографа⁶.

В издании допущен ряд ошибок в основном тексте издания. В.С. Нечаева предупредила аудиторию, что не отвечает за то, что получилось со 2-м томом издания Белинского⁷ после того, как ее статьи были заменены другими. Между тем, эти статьи как раз такие, которые сохранились в автографе. Я полностью согласен с В.С. Нечаевой, что их надо было печатать по автографу, как печатал Венгеров, так как эти статьи сокращены «Московским наблюдателем» не по согласию Белинского.

Но где-то должен быть беловой текст, а мы его не найдем, он разбит по отдельным словам, которые ничего не дают⁸.

Остановлюсь на 3-м томе издания. Здесь печатается текст пьесы Белинского «50-летний дядюшка» по тексту «Московского наблюдателя», но в 1923 году в архиве драматической цензуры был найден автограф Белинского, отличающийся от печатного текста не только размерами, но и наличием ряда персонажей. Среди этих персонажей, например, есть друг этого 50-летнего дядюшки — некто Думский, который является по персонажной характеристике каторжанином, возвратившимся из 12-летней ссылки. Действие пьесы происходит в 38-м году, если вычесть 12 лет, то мы узнаем, что в 26-м году он был отправлен на каторгу. Кто же это такой?

Это первый декабрист в нашей художественной литературе, первый образ декабриста, который является одним из действующих лиц пьесы Белинского.

Ничего этого мы не найдем в академическом издании Белинского, здесь нет ни слова о том, что в рукописной редакции, в автографе Белинского присутствует этот Думский.

Самое ценное, что есть в автографе, — это детальная характеристика действующих лиц пьесы, однако редактор академического издания признал это неважным и изъял эти характеристики действующих лиц. (С места: кто редактор?) Не знаю, не помню...⁹

Далее, в прошлом году, — я думаю, вы обратили внимание, — в «Литературной газете» появилась заметка о находках в архиве Забелина многих автографов Белинского и, в частности, насчет автографа «50-летнего дядюшки» сообщается, что это не представляет интереса и не имеет особого значения, что эти автографы очень близки к подлинному тексту Белинского... они очень близки к известному тексту Белинского. Спрашивается, к какому? Он представляет собой беловой текст с купюрами.

Ну, что же, — мы обязаны верить, — Академия Наук, коллегия, главный редактор, составитель тома, контрольный редактор. И я бы поверил, если бы, к счастью, не оказалось одного листка автографа приложенного. Из этого снимка я вижу, что это не беловой текст, а черновая рукопись, черновая, с существенными поправками, вставками. Значит, не видел этого редактор, поверил на слово, потому что, если бы он видел, он не посмел бы сказать того, что он сказал.

А почему возможны такие ошибки? Потому что раздел ликвидирован вообще, а взято из него наиболее существенное. Эта ошибка связана с тем, что самочинно и самовольно снижены требования, предъявляемые к академическому изданию. Я не знаю, что это, академическое издание в строгом смысле слова или это издание научное или издание массовое. Я считаю, что ошибка, которая присутствует в этом издании, недопустима ни в каком из этих видов. И я понимаю, что Дмитрий Дмитриевич Благой в своем докладе усомнился, что на сегодняшний день существуют такие издания, какие можно взять за норму.

Ну, а с основными текстами как обстоит дело в этом издании, которое так небрежно и недобросовестно отнеслось к первым своим томам, к вопросу о решении некоторых текстологических проблем, отступило от основного принципа критического отношения к первоисточникам?

Остановлюсь на одном примере — «Литературные мечтания».

Это текст, которому особенно повезло — он много раз в советское время издавался, издавался очень тщательно. Но редакторы академического издания ухитрились и этот текст испортить. К этому тексту оказалась заметка: «Чембар, <1834> год».

Давно установлено, что Белинский в 18<34> г. никуда не уезжал, был в Москве, и редакция поставила это для того, чтобы подчеркнуть нецеховой характер «Литературных мечтаний», что «Литературные мечтания» лежат на ответственности этого нецехового критика. Это обычный прием, применяемый с XVIII <века> в литературе, подчеркнута ссылка на провинциальное происхождение того или иного литературного документа.

Академическое издание выбрасывает это замечание, решив, что это — точная дата статьи. По инструкции дата написания статьи относится в примечания.

Можно ли верить? Мы все даже в средней школе знали эти «Литературные мечтания». Разве я могу поверить, что какая-нибудь ответственная коллегия филологов могла санкционировать такое безобразие? Не могу этого объяснить, не знаю, как это происходит.

Такие дефекты, такие пробелы, ошибки в академическом издании Белинского довольно многочисленны.

Одно я должен сказать, — что молодой коллектив участников этого издания, выросший на наших глазах, работающий последние месяцы (я наблюдал, беседовал), — этот коллектив вытянет издание на настоящую, большую академическую дорогу. И некоторые члены редколлегии издания Белинского, полностью возражая против того безобразия, которое делалось с «большим Белинским» (о том, что они возражали, свидетельствуют тезисы Д.Д. Благого и В.С. Нечаевой), указывали, что для них неприемлемы те приемы, с помощью которых делалось это издание.

Будем надеяться, что Д.Д. Благой и В.С. Нечаева помогут этому замечательному молодому коллективу поднять издание Белинского до подлинного академического издания.

Остановлюсь еще только на одном маленьком вопросе.

Тут говорят: текстология не наука, а вспомогательная дисциплина. Я не знаю, что такое текстология, хотя занимаюсь ею со студенческих лет. Но я к текстологии пришел от истории, от источниковедческих семинаров. И мне кажется, что текстология — это часть литературного источниковедения, которое, конечно, есть научная дисциплина, имеющая многовековые традиции. Об этих традициях напоминали нам и академик <В.В.> Виноградов, и <М.П.> Алексеев, и <Д.С.> Лихачев. Это традиции, в которых тек-

стология никак не фигурирует, а методика изучения текстов всегда выходила на первый план, а методика изучения текстов всегда вошла в литературное источниковедение. И для меня текстология это часть литературного источниковедения.

Я говорю об этом потому, что при этом рассмотрении текстологии и ее значении не мог бы выпасть из работы В.С. Нечаевой вопрос об атрибуции и вопрос о датировке произведений. Вопросы хронологии в изучении текстов при издании полного собрания сочинений, избранных сочинений классиков — это чрезвычайно важные вопросы. Я не могу придумать другого примера, возьму пример из своей практики.

Я сейчас заканчиваю работу по хронологии нелегальных произведений Пушкина¹⁰. И результаты моего изучения хронологии нелегальных произведений Пушкина позволили установить, что те вещи, которые мы считали ранними в политической лирике и сатире Пушкина, являются поздними, а поздние — являются ранними. И не думайте, что это нечто парадоксальное и неожиданное. Все, наоборот, становится на свои места.

Мы все знаем, что Пушкин является лучшим, сильнейшим выразителем в литературе, в художественном слове настроений, идей дворянских революционеров, певцом, бардом декабризма. Мы знаем закономерности, по которым совершалась эволюция декабристских тайных обществ, взглядов, тактики и т.д. Идеология декабризма движется в определенном направлении: от либерализма к революции, от конституционной монархии к республике, от медленных действий на мнение к вооруженному восстанию. А если вы возьмете сочинения Пушкина, то оказывается, что они написаны в обратном порядке. Пушкин идет от революции к либерализму и т.д., причем все исследователи этого периода творчества Пушкина рассуждают очень правильно, а о хронологии они в таких случаях или забывают или делают вид, что забыли, потому что общепринятая хронология противоречит этому построению. И работая в области политической лирики и сатиры Пушкина, я установил, что никакого противоречия тут нет, что Пушкин двигался вместе с декабристами, и это точно отражается в его лирике и сатире. А самый важный момент в лирике Пушкина — это январь-март 1820 года. Что это за время? Это — месяцы пребывания Пестеля в Петербурге, месяцы, когда Пестель перевернул всю организацию вверх ногами, заставил принять и республику, и вооруженное восстание, и цареубийство. И тогда ясно, почему появилось «Послание к Чаадаеву» и другие революционные стихотворения Пушкина. А если принять 1818 год датой послания

«К Чаадаеву», то совершенно неизвестно, почему его имя будет написано «на обломках самовластья».

Вспомните, какой политический багаж был у Пушкина, чтобы так претенциозно быть в этом уверенным.

Хронология — необычайно важная вещь, и вопросы датировки неотъемлемы от текста, от анализа словесного оформления той или иной редакции.

К сожалению, у Веры Степановны это отсутствует, потому что она текстологию рассматривает в узко прикладном значении этого слова и слишком много внимания уделяет рецептуре и недостаточно широко ставит те вопросы, которые нас всех волнуют.

Я хочу сказать, товарищи, что все-таки, несмотря на дефекты этих тезисов, мне кажется, что наше совещание, не только в результате речей, которые здесь раздавались, не только в результате хорошей здоровой критики, которая здесь раздавалась (несмотря на некоторые личные моменты), всё же было хорошим итогом в изучении нашей текстологии, нашей литературной науки, и мы должны быть благодарны Дмитрию Дмитриевичу и Вере Степановне, которые взяли на себя тяжелейший, неблагодарный труд выступить с этими предложениями, которые заведомо поставили себя в тяжелое положение, потому что не смогли все вопросы разрешить на достаточном уровне.

Мне кажется, что даже самый факт этих не всегда удачных тезисов является положительным, потому что он будит мысль, он концентрирует внимание на слабых местах нашей текстологии, и хотелось бы, чтобы труды этого совещания (не стенограмма, а основные труды) были бы отражены в печати.

Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 328. Л. 70–85.

¹ Т.е. доклады Д.Д. Благого и В.С. Нечаевой.

² В самом конце 1935 г. из печати вышел седьмой, «экспериментальный» и единственный в своем роде том академического собрания сочинений в том виде, в котором было первоначально задумано всё издание (образцово подготовленные тексты драматических произведений Пушкина с подробнейшими комментариями статейного типа): *Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. VII: Драматические произведения. Л., <1935>*. Все тома академического издания, вышедшие в 1937–1949 гг., были почти полностью лишены справочного аппарата (*Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. М.; Л., 1937–1959*). Именно об этом скажет Оксман в своем докладе 1962 г. (см. далее), когда назовет издание, вышедшее взамен загубленного произволом безвкусы партийного и правительственного руководства начального замысла, «замечательным источником очень тонкого препарирования, но лишенным ключей».

³ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л., 1950–1983. Фактическим, а затем (после кончины в 1951 г.) только титульным главным редактором издания в 1950–1959 гг. был С.И. Вавилов. Впоследствии основную организационно-редакционную работу выполнял заместитель главного редактора Т.П. Кравец. П.Н. Берков входил в состав главной редакции издания в 1950–1951 гг.

⁴ См.: Успенский Г.И. Полное собрание сочинений: В 14 т. (15 кн.). М.; Л., 1940–1954. Это академическое издание выходило под редакцией Н.Ф. Бельчикова, В.Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина. Девятитомное собрание сочинений писателя в издании Гослитиздата начало выходить только в 1955 г.

⁵ Литературовед, пушкинист, текстолог Борис Викторович Томашевский (1890–1957) подготовил для малой и большой серий «Библиотеки поэта» следующие издания: «Ирои-комическая поэма» (1933), «Полное собрание стихотворений» А.А. Дельвига (1934, 1936), «Стихотворения» К.Н. Батюшкова (1936, 1948), трехтомное издание «Стихотворений» А.С. Пушкина (1955).

⁶ Эти слова полностью согласуются с основными положениями заметок Оксмана «Вопросы композиции в изданиях классиков». Проблема выбора, объема и содержания при публикации вариантов, равно как и справочного аппарата, в разных типах академических изданий продолжала занимать Оксмана и позднее. Так, выступая 23 мая 1961 г. на заседании редколлегии серии «Литературные памятники» (ее членом он стал в сентябре 1959 г., см. выписку из распоряжения РИСО АН СССР № 4 от 1 сентября 1959 г.: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1078. Л. 15), посвященном изданию шедевров русской литературы, он высказал ряд весьма важных предложений принципиального, методологического порядка, по счастью, зафиксированных в протоколе: «Впервые серия “Литературные памятники” приступает к изданию шедевров русской литературы. Это ставит перед Редколлегией ряд новых и сложных вопросов, и, прежде всего, вопрос о типе издания, о его структуре и составе. Здесь важно выработать свой специфический тип издания и не повторять, с одной стороны, ни академических изданий, и, с другой стороны, изданий Гослитиздата. Редколлегия считала, что в процессе подготовки первого памятника уже будет материал для решения этих основных вопросов, но, тем не менее, нам необходимо заранее наметить основные контуры этих изданий. Все тексты должны быть подготовлены по всем правилам текстологии. Самый сложный вопрос — это вопрос о вариантах. Я полагаю, что, может быть, в тех случаях, когда уже имеется полное академическое издание, включающее в себя все варианты текста, не следует повторять этих вариантов, а можно ограничиться ссылками на это издание и давать только отдельные, наиболее крупные и существенные с точки зрения содержания варианты. Примечания, даваемые в наших изданиях, тоже должны быть рассчитаны, прежде всего, на более широкого читателя. Следует создать новый, более облегченный тип примечаний. Кроме того, необходима небольшая статья, которую условно можно назвать “Судьба памятника в мировой литературе”. В процессе подготовки первых изданий (Лермонтов “Герой нашего времени”, Толстой Л.Н. “Казак”, Гоголь “Тарас Бульба”) выяснилось, что не нужно давать тяжелой аппарат<ы> вариантов и разночтений, если они уже были напечатаны. Однако, здесь мы должны принять во внимание и то, кем подготовлена данная работа. В частности, “Герой нашего времени” — посмертная работа Б.М. Эйхенбаума, крупнейшего лермонтоведа. Поэтому мне казалось, что данное издание нетипично для серии, т.к. в нем по возможности следует сохранить всё в таком виде, как было сделано покойным ученым. “Тарас Бульба” — другой вариант. Мы даем полностью две редакции. Я вообще полагаю, что вопрос о комментировании также следует пересмотреть. Если в одних случаях (подписное издание) следует давать более облегченный тип комментариев, то в других случаях (античные памятники, “Шахнаме” и др.) следует комментировать шире и больше» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1098. Л. 38). См. отзывы и рецензии Оксмана на тома серии «Литературные памятники» за десятилетний период (1959–1969 гг.): РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 174.

⁷ Во второй том собрания вошли тексты сочинений Белинского в разных жанрах, написанные в 1836–1838 гг. В.С. Нечаева в своем докладе охарактеризовала две публикации, вошедшие в этот том, следующим образом: «В защиту николаевской цензуры довольно неожиданно выступила редколлегия собрания сочинений Белинского — издание

Академии Наук СССР, вернув тексты его статей о переводе “Гамлета” Полевого и об “Уголино” к подцензурному тексту “Московского Наблюдателя” и отказавшись восстановить по наборной рукописи отмеченные на ней красным карандашом купюры, уже введенные в текст Венгеровым. Запрятав интереснейшие высказывания Белинского в отдел примечаний, редакционная коллегия, конечно, значительно снизила научную ценность издания. Этот факт очень близко касается и меня, так как на этом томе стоит моя фамилия, что я это сделала. Я пользуюсь случаем сообщить, что это сделано помимо моей воли, надеюсь, что все аргументы приведу в очередном томе моей монографии о Белинском» (Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 108–109).

⁸ Расхождения текстов автографа и журнальной редакции указывались достаточно выборочно прямо в примечаниях.

⁹ Тексты и комментарии к публикации «Пятидесятилетнего дядюшки» были подготовлены В.С. Спиридоновым. Редактор третьего тома — Б.И. Бурсов, главный редактор издания — Н.Ф. Бельчиков. Справедливости ради заметим: в комментариях к пьесе все-таки сообщается, что для второго спектакля Белинский с помощью М.С. Щепкина внес в рукопись некоторые исправления и сокращения, в частности исключил из списка действующих лиц «отца Катеньки и Лизаньки Думского, горничную Машу» и сократил текст пьесы почти на треть, но в целом критика Оксмана имеет достаточно серьезные основания. См.: *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 3. М., 1953. С. 659.

¹⁰ Результаты этой многолетней работы Оксмана были отражены, в частности, в следующих его работах, опубликованных посмертно: Пушкин и декабристы // Освободительное движение в России: Посвящается памяти Юлиана Григорьевича Оксмана: Межвуз. науч. сб. I. Саратов, 1971. С. 70–88; Пушкинская ода «Вольность» (К вопросу о датировке) // Проблемы истории культуры, литературы и социально-экономической мысли: Межвузовский науч. сб. Вып. 5, ч. 2. Саратов, 1989. С. 3–33; Политическая лирика и сатира Пушкина // «Гамиздат». От осуждения — к диалогу: Памяти Антонины Петровны Оксман посвящается. Саратов, 1990. С. 63–89.

II.

**Стенограмма выездного заседания
Бюро Отделения литературы и языка АН СССР.
Ленинград, 5–6 июня 1962 года.
Повестка дня: О типах академических изданий собраний
сочинений русских классиков (опыт издания собрания
сочинений А.И. Герцена и И.С. Тургенева)¹.
Выступление Ю.Г. Оксмана, 5 июня 1962 года**

Я свой доклад сделаю, как краткий отчет о работе над академическим изданием Герцена, поскольку вводная часть доклада Михаила Павловича, посвященного Тургеневу, касалась общих вопросов, и исторически, и теоретически связанных с самим понятием академического издания, и была сделана с совершенно исчерпывающей полнотой. Мы получили очень ценные, как всегда у Михаила Павловича, совершенно неожиданные по сентенциям факты, и мы этот материал получим для широкого обсуждения.

Таким образом, я буду говорить только о ходе, организации и, наконец, итогах работы над изданием Герцена, академическим изданием сочинений и писем Герцена, нигде не названных, никогда полностью не вышедших. Конечно, и задуманное, и осуществляемое, как полное, это издание было организовано в результате специального постановления Президиума Академии Наук от 7/IX–1951 года, 11 лет тому назад. Первый том этого издания вышел в конце 1954 года. Издание было рассчитано в размере 30 томов, в среднем по 25 листов в каждом томе. В процессе работы выяснилось, что средний размер тома на круг не менее 35 листов. Несмотря на то, что мы пытались удержаться в рамках 30 томов, хотя 25 томов Герцена вышло в 21 книге, мы даем 300 печатных листов сверх плана, когда издание будет закончено, т.е. мы дали около 12 томов сверх того, что мы запланировали. Издание сочинений Герцена, осуществляемое по плану 1951 года, значительным образом превысило свои масштабы. Мы бесконечно обращались в издательство Академии Наук, чтобы оно позволило нам осуществлять это издание в этих огромных масштабах, с таким значительным превышением против намеченного. Наши взаимоотношения с издательством были сложными и напря-

женными, на разных этапах доходившими до разрыва, и издание приостанавливалось на некоторое время, на месяц. Но все-таки не нужно забывать важного обстоятельства, что издательство не мешало нашей работе и соглашалось, в конце концов, с нашим разворотом.

За время с 1954 по 1960 год вышло 20 томов — 21 книга, т.е. за 7 лет в среднем мы давали по 3 тома в год. В 1961 г. мы приступили к изданию писем Герцена, закончена подготовка еще 4 томов, за 2 года мы сделали 9 томов и обязались окончить издание в этом году. Я не уверен в том, что оно будет закончено, но не по нашей вине.

Издание сочинений Герцена было опубликовано с самого начала не как обычные академические издания, руководимые коллегией узких специалистов. Пушкин издавался пушкинистами, Гоголь знатоками творчества этого писателя и т.д. Издание сочинений Герцена строилось, как издание трех институтов. В процессе работы два института отпали, но постановлением Президиума Академии Наук, придавшего большое значение изданию Герцена, <оно> было поручено Институту мировой литературы, Институту истории и Институту философии. Все эти институты выделили специалистов в редколлекцию, и значительная их часть оставалась до конца, хотя институты, как таковые, отошли от работы.

Работа осуществлялась Институтом мировой литературы, который не ограничился своими специалистами — текстологами, комментаторами, редакторами и т.д. Сначала работала редколлегия, а затем институт широко привлекал специалистов, работающих в Ленинграде и в Москве, работающих в академических и не академических изданиях писателей, интересующихся проблемой Герцена. С самого начала редколлегия института привлекла широкие кадры специалистов. Нам нужны были историки Запада, СССР, специалисты по Новому времени, философы, нам нужны были разные историки общественной мысли, революционного движения и нужны были зарубежные специалисты. В этом отношении мы были поставлены в необычные условия возможности привлечения широкого круга специалистов, работающих как в Советском Союзе, так и за рубежом.

Этот момент внес новую ноту организационного опыта, огромный научный авторитет, огромные научные знания, связи значительно облегчили издание Герцена, и в этом отношении издание Герцена с самого начала было поставлено в особые условия.

Издание Герцена, осуществляемое в таких исключительных условиях, как оно осуществлялось с организационной стороны, должно было с самого начала своей работы учесть и сделать то, что

не удалось сделать его предшествующему изданию Лемке — это памятник огромной исключительной работоспособности историка-дилетанта, работающего в условиях, когда жили наследники Герцена, знакомые, располагавшего огромными личными связями.

Мы опирались на работу Лемке² не как на источник, а как на библиографическое пособие, позволявшее нам проверить данные, заново комментировать то, что сделано Лемке. Ни одна строка Лемке не была принята нами без критики и проверки, особенно письма Герцена, которые копировал Лемке за границей. Они вышли из сферы ведения литературоведов, и в таких условиях со всеми оговорками, с анализом мы проводили эту работу.

Редакция издания Герцена опиралась на работы коллектива «Литературного Наследства», организаторов этих замечательных четырех томов, посвященных Герцену и Огареву. Мы опирались на работы <Ланского>, Б. Козьмина, Макашина, на многочисленные работы сотрудников, и благодаря этим работам наша работа была значительно облегчена, и никогда нельзя этого забывать, без этой помощи мы не могли бы сейчас в юбилейную дату вчерне закончить это издание³.

Но, несмотря на то, что эта работа руководилась крупными специалистами, нашими ближайшими товарищами, мы ничего не принимали на веру. Мы проверили все источники, опубликованные в «Литературном Наследстве», мы нашли много ценного, нового и нам легче было идти дальше, проверяя всё. Цифровые результаты нашей работы уже отмечались нами в печати. Мы ввели в академическое издание Герцена 90 новых произведений, никогда ранее не печатавшихся, 203 редакционные заметки, примечания, объявления и прочие журнальные и газетные материалы, 42 заметки и корреспонденции, принадлежавшие другим авторам, но выправленные Герценом. 114 статей и заметок было помещено отдельно.

Сейчас мы подошли к самой трудной части работы в области атрибуции. Это специальная тема работы. Хорошая кандидатская работа получилась бы на основе проверки, анализа нашей работы по отредактированным заметкам и статьям, помещенным в «Колоколе». Мы в своей работе по атрибу<ции> опирались на всю источниковедческую работу, и в этой области нам помогали члены нашей редколлегии. В последний год стал помогать В.В. Виноградов. Его новейшие работы по интерпретированию текстов Карамзина и других послужили большой опорой в нашей сложнейшей работе⁴.

Когда мы приступали к работе над Герценом, перед нами были два пути, два примера — два только что законченных хотя бы вчер-

не больших академических издания — издание Пушкина и издание Белинского. Издание Герцена осуществлялось под свежим впечатлением тех боев и дискуссий, которые были организованы Академией Наук и которые явились важной вехой в нашей текстологии. Несмотря на загибы, которые были сделаны в критической оценке и пересмотре работ нашими первыми текстологами, они сказали первое слово в области мировой текстологии. Несмотря на это мы проявили большое критическое чутье, взяв под сомнение даже эти огромные результаты работы, делавшейся в течение десятилетия, и, обнажая субъективистские ошибки классиков советской текстологии, мы пошли дальше как текстологи, и работу над Герценом мы проводили под впечатлением этой дискуссии. Как всякая большая дискуссия, она была необычайно плодотворна. После издания Пушкина, после издания большого академического плана, которым мы все так гордились, но которое так мало читали и к которому почти никто не обращался, потому что оно является не в точном смысле изданием классика, а замечательным источником очень тонкого препарирования, но лишенным ключей, и этим изданием трудно пользоваться даже специалистам. Это материал, но материал такого значения, который полвека сохранит свое значение, но это не издание классика.

Основные вопросы, которые нас волнуют, как строить академическое издание, после того как оно перестает быть экспериментальным, после того как оно вышло за пределы 5000-ного тиража. Самое большое издание Пушкина было в 1899 году и в 1906 году⁵, больше 5000 академическое издание не печаталось, а мы дошли до 30–40 тыс<яч>, издание Тургенева имеет тираж 250 тыс<яч>. Я принадлежу к тем филологам, которые не увлечены цифрой этого тиража, несмотря на талантливую статью А.С. Бушмина⁶, но не ценную в этом отношении. Он говорит о тех текстологах, которые смущены таким огромным тиражом, и приглашает нас наоборот радоваться этому. Конечно, этот факт очень утешительный, но когда за счет огромного тиража академического издания Тургенева академические институты вынуждены отказываться от печатания работ своих специалистов из-за бумажного кризиса, пусть временного, который через 2 года будет изжит полностью, то это уже плохо. Сейчас из-за издания Тургенева в 4–5 раз сокращается издание продукции академических институтов в области гуманитарных наук, и с этим нужно считаться, нужно учитывать противоречивость этих цифр, которые с одной стороны радуют, а с другой стороны не могут не вызывать тревоги. Двухсоттысячный тираж сразу ставит под вопрос, как должен строиться научный аппарат издания. Конечно, для 200 тыс<яч>

читателей мы не можем документировать свои основные тексты с той тщательностью, с которой связывается представление об академическом издании. Двухсоттысячный читатель не может выдержать потока документальных приложений, они ему не нужны, и мы должны изобретать средства для перенесения этих документаций в сборники и журналы, освобождения наших томов, на которые так много требуется бумаги, мы должны продумать новые способы облегчения академического издания.

Сам вопрос облегчения академического издания возникает естественно. Он возник потому, что сама техника варианта, сама транскрипция гробила издание Пушкина, возник сразу вопрос о новой подаче материала. Эта мысль возникла у С.М. Бонди и других. Когда мы приступали к Герцену, естественно, возник вопрос, воспользоваться ли нам опытом издания Пушкина или воспользоваться опытом издания Белинского.

Михаил Павлович в очень сдержанных выражениях, но отрицательно оценил издание как академическое. Как тип, академическое издание Белинского с таким однобоким аппаратом вариантов, другими редакциями, с таким снижением требований к комментариям, которые представлялись просто, как мычание, с таким оформлением, как было у Даля, оно представлялось всем сотрудниками недопустимым. И, несмотря на то, что издание Белинского закончилось, мы решительно отвергли этот опыт.

Что нового сделано в издании Герцена сравнительно с тем, что делалось в лучших изданиях наших классиков — Пушкина, Гоголя, Успенского? Мы много занимались композицией. Мы впервые поставили вопрос о композиции издания, считая, что правильное решение вопроса композиции издания в целом и расположение произведений в томе, это и будет наибольшим приближением текстов великого классика к широким кругам читателей. Мы отказались от хронологического расположения произведений, которое было у Пушкина, когда всё вытягивалось в стройную хронологическую нитку. Черновые замыслы, планы, наброски, печатались вместе с шедеврами Пушкина. Эта единая хронологическая нитка, когда наши редакторы рады крупнейшие произведения рассматривать, как материал для хронологической канвы — это не метод решения вопроса о композиции, а это отказ от всех рассуждений и мыслей в этой области.

В издании Герцена мы пытались с первого тома, это было не так просто, потому что встречались возражения со стороны редколлегии, внутри аппарата обратить внимание на значительную дифференци-

ацию тома. Кроме дифференциации тома основных произведений, в наших томах появились иные редакции. Этот вопрос об иных редакциях, который недавно болезненно решался при обсуждении в РИСО первых томов Тургенева⁷, был благополучно обсужден в отношении издания Герцена, потому что редколлегия удалось добиться дифференциации и раздельной публикации, потому что чернови<ков> автографов Герцена сохранил<о>сь весьма немного, и мы печатали <их> в таком порядке, подводя под них варианты.

Обычно в академических изданиях последних лет для того, чтобы экономить бумагу и освободить читателя от того, что ему ненужно, от многих ненужных ему материалов, многие материалы, как законченные произведения, на том или ином этапе решающие крупные художественные проблемы, а поскольку Тургенев прожил большую жизнь, и произведения 60–80 годов уже не удовлетворяли, а произведения Герцена не удовлетворяли через 20–30 лет, то мы решили, что облегчим читателю знакомство с Герценом и его произведениями, давая тексты хронологической давности 20–30 годов. Эту задачу нам удалось решить полностью. В издании Тургенева она была решена во втором томе, почти полностью в третьем томе⁸, а в 4-м томе мы должны были отказаться от этой методики. А к чему приводит этот отказ — это будет предметом обсуждения на сегодняшнем заседании.

Мне представляется, что мы композиционно решили вопрос правильно, это был ход в советской текстологии. В издании Герцена мы впервые сталкиваемся с вопросом публикации произведений в большом количестве нелегальных, произведений, которые не перепечатывались, которые имели, прежде всего, а<гитационную> функцию — памфлеты, прокламации, адресованные широким кругам интеллигенции, армии, и вопрос издания агитационных памятников нелегальной литературы впервые решался на протяжении ряда лет, охватывая большой круг первоисточников.

В процессе этой работы мы пришли к единому правильному решению, как быть с памятниками, которые выпускались, распространялись в рукописном виде или напечатанными на станке, а затем входили перед концом жизни Герцена в некоторые сборники хрестоматийного типа. В 1860 году был перепечатан памфлет, один из русских замечательных памфлетов, оказавший огромное влияние на все последующее поколение русских революционеров до Ленина включительно. Герцен распространил в 1842 г. свой памфлет «Петербург-Москва», а потом он копией⁹ и дописал, не восстанавливая старого текста, а читатели думали, что это перепечатка. Словом,

Герцен в 60-х годах дал новое сочинение, имевшее только историческое, а не практическое значение. Конечно, все редакторы печатали по последней перепечатке, якобы блюдя его последнюю волю. Мы тоже допустили ошибку, но быстро ее исправили, мы предпочли текст 40-х годов искаженному даже самим автором более позднему текст<у>.

Комментируя материал, мы обратили внимание на разъяснение исторических имен — Робеспьер — деятель французской революции, родился тогда-то, умер тогда-то. Мы старались меньше обращаться к Брокгаузу, правда, в известной мере это приходилось делать. Но главной задачей комментаторов Герцена являлось установление текстов произведений, всех вариантов произведения, определение его хронологии и увязка комментируемого текста с общественно-политической обстановкой того момента, в которой оно делалось, и без чего оно было бы непонятно.

Я говорю не о художественных произведениях Герцена, а говорю о том, что мы впервые в таком большом масштабе печатали политическую публицистику Герцена при расшифровке политических документов Герцена, для чего нужно было хорошо знать не только русскую политическую литературу, но и мировую, поскольку Герцен писал и по-русски и по-французски, являясь высшим авторитетом для итальянских, английских, немецких деятелей демократического и социалистического движения. Нам необходимо было с особой тщательностью отнестись к этой стороне комментария.

Герцен был первым классиком, издавая которого, мы должны <были> всё время учитывать его место и значение в истории не только русского революционного движения, но и мирового. И мы видим, что не ошиблись, об этом говорят те многочисленные письма, которые мы получали от ученых стран народной демократии, от передовых буржуазных ученых — бельгийских, датских, голландских, австралийских, новозеландских и т.д. Мы видели, как внимательно они отнеслись к этой стороне издания.

Наше издание Герцена оказалось фактором издания советской исторической науки, советского историоведения на филологической комиссии стран народной демократии и буржуазного Запада. В этом отношении нам предстоит сделать много, доводя наше издание до конца на той высоте, на какой оно было задумано, расшифровав до конца письма Герцена о мировой журналистике, о мировой политической мысли. Герцен называл десятки журналов и газет, которых никто не видел, мы даже не знаем, на каком языке они выходили. Например, он пишет французское письмо и по-французски цитирует

название журнала. Но в 60-х годах не выходили демократические французские журналы, это было немецкое или английское издание, которое выходило в США.

Вы представляете себе, какие исключительные трудности стоят перед нами в отношении поисков этих журналов. Полные комплекты были лет 50 тому назад в библиотеках того города, где они выходили. В то время не было обязательной сдачи материалов в хранилища, и сейчас уже ничего нельзя установить. Огромные трудности возникают в отношении десятка произведений Герцена, писем, редакций, в отношении газет, потому что их нет в библиотеках Европы, и это усложняет нашу работу. Сейчас особенно нужна помощь в Америке. Американская славистика переживает большой подъем, и мы даем задание — ищите комплекты этих изданий. Мы пытаемся зажечь энтузиазм для того, чтобы хотя бы в последнем томе поместить лучшие тексты и письма Герцена. В этом отношении мы, как говорил Михаил Павлович в отношении издания Тургенева, что оно обогащено благодаря помощи читателей, получили помощь, и герценовское издание обязано помощи читателей, которые нам помогают.

Для того, чтобы сделать издание Герцена достойным того высокого значения, чтобы закончить его на той высоте, которая намечена, необходимы заграничные командировки, необходимо месяцами сидеть в библиотеках Рима, Парижа и т.д., чтобы использовать материалы. Но в этом отношении дело обстоит невыносимо трудно. Даже на письма, которые идут через Институт, западноевропейские буржуазные ученые не отвечают, у них нет для этого стимула, приходится просить по несколько раз, и иногда это увенчивается успехом, а иногда и нет.

Эту работу конечно должны делать наши специалисты, тогда она не будет носить характера дилетантства, но мы не можем поощрять наших специалистов за границей. Когда говоришь с нашими членами Академии, то они просто отказываются понимать, как для такой высокой цели, какой является окончание работы над изданием Герцена, институт не может послать специалистов за границу. А ведь это так. Последний том, который должен дать поправки ко всем томам, я должен сказать, что это издание, на которое государство потратило миллионы средств, не может быть не закончено на должной высоте.

Я должен сказать, что мы получаем огромное количество материалов от ученых, из библиотек, архивов, музеев. Эти материалы не третьесортные, а имеющие огромное значение <...> Письма приходят каждый месяц, главным образом, с Запада, потому что то, что было в СССР, видимо, уже известно.

В издании Лемке были напечатаны 2082 письма, у нас есть уже 3 тыс <ячи> с лишним, из них 500 печатаются впервые. Это очень большая цифра. Но это далеко не всё, что есть в западноевропейских архивах. Ведь все английские знакомые Герцена сохранили его письма у себя в частных архивах, там не принято хранить в общественных библиотеках или архивах, а затем они переходят к потомкам. Если бы нам удалось побывать в Лондоне, мы обнаружили бы еще 7 английских семейств, предки которых были связаны с Герценом, и могли бы получить там материалы.

Заканчивая свой отчет, так я рассматриваю настоящее сообщение, я не хотел бы касаться того, что относилось к полемике по нашему изданию. Там была дана хорошая оценка нашей работы, но все-таки со многим согласиться нельзя как в текстологическом отношении, так и <в отношении> типа издания. Мы сделали очень много и все-таки наше издание Герцена несколько новое. В Тургеневе приходится решать многие вопросы революционным путем, но мы этого сделать не можем. Я не хочу сказать, что являюсь противником этого, но мне кажется, что в данном случае вопросы должны быть более тщательно продуманы и решены. В отношении издания Герцена мы не шли революционными методами изменения, установленными советской текстологией, но все-таки то, что мы сделали, это выше, бесконечно выше того, что есть в буржуазной литературе Запада. Но мы, — это свойство каждого советского человека, — хотим, чтобы материал был еще более доходчивым, чтобы еще точнее были методы его подачи, чтобы еще шире и строже были к нему комментарии.

Я думаю, что это настолько важная задача, что, как вы видите, Бюро Отделения устроило выездную сессию и мы вместе — ленинградские и московские специалисты — должны найти тот новый тип издания, который нам нужен и о котором мы мечтаем.

Архив РАН. Ф. 456. Оп. 1. Ед. хр. 726. Л. 23–36.

¹ Доклады: М.П. Алексеева и Ю.Г. Оксмана. Содоклады: С.А. Макашина, Л.Д. Опульской, Н.В. Измайлова.

² *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем: В XXII т. Под редакцией М.К. Лемке. Пг., 1918–1925.

³ Оксман упоминает трехтомное издание «Герцен и Огарев» (Литературное Наследство. Т. 61–63. М., 1953–1956) и вышедший следом за ним том «Герцен в заграничных коллекциях» (Литературное Наследство. Т. 64. М., 1958). Также упомянуты историки литературы — Леонид Рафаилович Ланский (1913–2000; в редакции «Литературного Наследства» в 1946–1999 гг.), Сергей Александрович Макашин (1906–1989; один из бессменных редакторов «Литературного Наследства» в 1931–1989 гг., член редколлегии серии в 1946–1989 гг.) и историк, специалист по истории русской журналистики и общественному движению XIX в. Борис Павлович Козьмин (1883–1958).

⁴ Упомянутую работу В.В. Виноградова «Проблема Карамзина в истории стилей русской литературы», как и ряд других его работ, см. в издании: *Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя*. М., 1990. См. также разделы «Проблема авторства и принципы атрибуции текстов неизвестного происхождения» и «Неизвестные сочинения Н.М. Карамзина» в кн.: *Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей*. М., 1961.

⁵ Имеются в виду следующие издания собраний сочинений: Сочинения Пушкина. Издание Императорской Академии Наук / Под ред. Л.Н. Майкова, Е.И. Якушкина, П.О. Морозова. Т. 1–4. СПб.; Пг., 1899–1916 (первый том 1-м изданием вышел тиражом 1312 экз., 2-м изданием — 1915 экз.; второй том — 3114 экз. и т.д.). Годом позже было выпущено 6-е издание «Полного собрания сочинений» Пушкина под ред. П.А. Ефремова в 7 томах тиражом 2000 экз. В 1907 г. началось печатанием шеститомное собрание сочинений поэта под редакцией С.А. Венгерова тиражом 15000 экз. С каким именно изданием Оксман связывает 1906 г., неясно.

⁶ См.: *Бухмин А.С.* О научном и общественном авторитете литературоведения // *Русская литература*. 1962. № 1. С. 3–14. В этой статье, в частности, говорилось: «Приступив к подготовке академического издания собрания сочинений и писем И.С. Тургенева, институт, основываясь на опыте предшествующих академических изданий классиков, предполагал, что количество подписчиков не превысит нескольких десятков тысяч. Так предполагало и Издательство Академии наук. Предположение казалось тем более основательным, что в Гослитиздате собрания сочинений Тургенева не переставали выходить в свет. Фактически же количество подписчиков на академическое издание Тургенева достигло 200 тысяч. Приятная эта неожиданность или неприятная? Казалось бы, странный вопрос! Конечно, приятная! Она, эта неожиданность, свидетельствует о высокой культуре нашего народа и о том, что народ с большим уважением и доверием относится к академическим трудам. И это должно было бы действовать вдохновляющим образом на людей, занятых подготовкой издания. И вот, как ни странно это, отдельные сотрудники издания восприняли массовость подписки как печальный факт. Почему же? Да просто потому, что для 200 тысяч подписчиков академическое издание должно иметь другой тип, нежели тот, который практиковался прежде».

⁷ *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. (30 кн.). М.; Л., 1960–1968.

⁸ В июне 1959 г. Оксман стал членом редакционной коллегии этого собрания сочинений Тургенева (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1078. Л. 14. Выписка из протокола № 14 заседания Бюро ОЛЯ АН СССР от 16 июня), писателя, творчеством которого Оксман начал вплотную заниматься в самом начале 1920-х гг., и сразу принял непосредственное участие в этом крупном издательском проекте 1960-х гг., осуществлявшемся практически параллельно с герценовским собранием сочинений, но начавшемся изданием несколько позднее. Второй и третий тома собрания вышли под редакцией и с комментариями Оксмана и включили в себя «Сцены и комедии», таким образом, подводя итог многолетнему изучению драматического наследия Тургенева, поскольку появились спустя три десятилетия после опубликования аналогичных томов в составе «Сочинений» (в 1929–1930 гг.). Отдел «Другие редакции и варианты» занимал в анализируемых томах 2/3 первой книги и 1/6 второй книги, включая в себя варианты первопечатного текста, первые и последующие рукописные редакции как пьес целиком, так и отдельных сюжетных эпизодов (с учетом вариантов и передач в подстрочных примечаниях всех особенностей автографа), данные журнальных редакций, варианты цензурных и типографских гранок журнального текста, наконец, варианты прижизненных изданий. В качестве приложения во втором томе были опубликованы сохранившиеся в бумагах Тургенева черновики написанных, начатых и задуманных пьес с соответствующей интерпретацией и комментированием их содержания и обоснованием датировок. В редакции четвертого и восьмого томов ученый участвовал вместе с С.А. Макашиным и Н.В. Измайловым. Отзывы и рецензии Оксмана на отдельные тома (1961–1965 гг.), а также проспекты томов, протоколы заседаний редколлегии и связанная с этим переписка (1959–1967 гг.) сохранились в его архиве: Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 175, 1103.

⁹ В стенограмме пропущено слово. По-видимому, следует читать: «<воспользовался> копией и дописал».

III.

Вопросы композиции в изданиях классиков¹

В практике наших академических изданий в последние годы стала давать себя знать определенная тенденция, сводящаяся, по сути дела, к подмену <е> полного собрания сочинений того или иного автора полным собранием печатных и рукописных первоисточников их текста.

В связи с этим и материал, подлежащий учету лишь в разделе «других редакций и вариантов», а также «черновых набросков и отрывков», стал переключиваться в основной раздел тома. Редактор стал перекладывать на читателя решение очень сложных текстологических проблем, отказавшись от выбора основного текста. Так, напр<имер>, в основном тексте некоторых глав «Капит<анской> дочка» под строкою даются варианты черновых редакций. Так, напр<имер>, в акад<емическом> изд<ании> Лермонтова, в основном тексте, на равных правах, печатаются две редакции стихот<ворения> «Прощай, немытая Россия» (т. II, 1954, стр. 191).

Старые академические издания наших классиков рассчитаны были не на широкий круг читателей, а на небольшую группу специалистов. Поэтому, в этих изд<ани>ях всё, начиная от их композиции и кончая аппаратом, строилось вне учета специфики худож<ественного> текста, как произведения искусства.

Хронологич<еская> цепь, самая строгая, вне учета жанров (мировой шедевр тонул в случайных экспромтах), степени законченности текста, бесспорного и дубиального отношения самого автора к размещению тех или иных текстов в прижизненных изданиях. Задача — только одна, лучше обеспечить работу биографа, дав ему единую цепь, без разбора и выбора, материал для «трудов и дней». Поэтому и предпочтение транскрипций всем другим видам подачи вариантов.

Никто не задумывался над тем, что во всех акад<емических> изданиях грубо попиралась воля художника, создававшего и печатавшего свои произведения в учете² на определенное их звучание, придававшего большое значение той или иной последовательности произв<еден>ий в томе (Значение контекста!).

Педантически борясь за орфографию и пунктуацию подлинника, мы грубо топчем ногами гораздо более значимые проявления воли художника, воли мастера.

Вопросы жанра статьи и рецензии обычно вовсе не привлекают внимания. А едва ли правильно печатать в искусственной хронологической цепи и ответственные, подлинные статьи, и маленькие анонимные рецензии, и заметки в хронике (см., например, тексты Добролюбова)³.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 1–2об.

¹ Датируется нами первой половиной 1954 г. (предположительно — март-апрель) по содержанию: упоминание в тексте академического издания (*Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. Т. 2: Стихотворения. 1832–1841. М.; Л., 1954; том подписан к печати 30 января 1954 г.*). Вполне вероятно, что появление этих заметок было связано с подготовкой доклада, прочитанного Ю.Г. Оксманом на совещании ИМЛИ и ИРЛИ АН СССР по вопросам текстологии 12 мая 1954 г.

² Возможно, следует читать: «в <расчете> на».

³ Оксман имел многолетний опыт в области изучения биографии и наследия Добролюбова, а в особенности — текстологии его сочинений, поскольку в 1931–1936 гг., до ареста, был заместителем главного редактора и руководителем всей архивной, текстологической и комментаторской работы над первым советским шеститомным собранием сочинений Добролюбова; в качестве редактора и комментатора он подготовил первые три тома собрания сочинений, включившие статьи и рецензии Добролюбова за 1856–1862 гг. 8 октября 1930 г. Оксман в письме к главному редактору издания, П.И. Лебедеву-Полянскому, рассказал о некоторых эпизодах этой работы и высказал соображения относительно ее дальнейшего осуществления: «При розысках дневников я успел перерыть весь рукописный отдел Пушкинского Дома (в том числе и неразобранные фонды). Добролюбовских материалов оказалось очень много (главным образом), письма, рукописи беллетристических произведений, журнальные расчетные книги и ведомости, масса стихотворений; критических статей и рецензий, однако, маловато). Думается, что следовало бы сделать краткую научную опись всего Добролюбовского рукописного наследия (как это мы сделали в прошлом году для Пушкина), где бы оно ни находилось (Ленинград, Москва, Саратов, Нижний Новгород и пр.). Такая опись очень облегчила бы работу всех исследователей и редакторов Добролюбова, и опубликовать ее можно было бы в приложениях к первому или последнему тому» (Архив РАН. Ф. 597. Оп. 4. Ед. хр. 55. Л. 2). Более поздние по времени письма Оксмана Лебедеву-Полянскому в значительной степени отражают текстологические взгляды ученого применительно к работе над первым научным изданием литературного наследия Добролюбова (установление и подача текста тех или иных произведений, принципы их публикации и т.д.; в отношении композиции предпочтения Оксмана отражали ранний этап его текстологических поисков, когда он еще был склонен к использованию тех принципов композиционного построения, которые в 1950–1960-е гг. претерпели в его практике значительные изменения): «Вы якобы настаиваете на том, чтобы каноническим текстом считать текст первого отдельного издания, если нет рукописи или корректуры. Против этого пункта я решительно возражаю и вот почему. Каноническим текстом никак нельзя признать текст не авторизованный. Не говоря уже о том, что Н.Г. Чернышевский мог, как каждый редактор, делать частные промахи корректорского порядка, он, как живой политический боец, как революционер-практик, сознательно мог использовать свою редакторскую работу для пропаганды одинаково вдохновлявших его и Добролюбова идей, мог договаривать за Добролюбова то, что тот, конечно, и сам хотел сказать, но по цензурным соображениям все-таки не сказал <...> Вывод: за основной текст в новом издании Добролюбова принимается текст рукописи или авторизованной корректуры с учетом поправок стилистического порядка, сделанных в «Современнике». Статьи, автографы кот<орых> не сохранились, даются по их журнальным редакциям, с учетом, по изданию Чернышевского, тех мест, кот<орые> извращены или вовсе изъяты цензурой <...> М.К. Лемке, а за ним и Аничков, очень разумно и осторожно

применили квадратные скобки для обозначения того, что изъято было из журн<альной> редакции. Они дали, т<аким> обр<азом>, сразу два текста (не прибегая к контаминации), — и этим выгодно отличались от всех предыдущих ненаучных изданий. Ошибка Лемке и Аничкова заключалась, однако, в том, что и они недооценили журнальных редакций, т.е. отнесли в примечания стилистические особенности изменения текста “Современника”. Между тем — следовало поступить иначе: все стилистические особенности издания Чернышевского оговорить в примечаниях, как варианты гипотетической ранней редакции, а в основном тексте дать текст “Современника”, дополненный, в квадратных скобках, цензурными изъятиями, по тексту издания Чернышевского <...> я считаю крайне нежелательным устройство второго этажа при тексте Добролюбова, что получится, если мы будем давать под строкою наши редакторские разъяснения, дополнения и справки библиографического типа. — Всё это я предлагаю перенести в примечания в конце каждого тома, а под строкою оставить только примечания самого Добролюбова, да переводы иностранных слов и речений <...> затронув вопрос о композиции томов, не могу не поделиться своими соображениями по поводу материала своих томов. Вообще, конечно, я стоял бы не за тематическое, а за хронологическое распределение по томам критико-публицистического текста Добролюбова (Беллетристика и стихи — дело, конечно, другое; как и письма, художественная работа подлежит выделению в особые тома). Мне кажется, что сам Добролюбов был бы глубоко возмущен, увидя свои статьи разделенными на литературно-критические, на педагогические, на публицистические (Почему бы уж не выделить исторических статей, географических и т.д.?). Но другое дело — жанровые отличия статей в отделе “Критика” и заметок в отделе “Новые книги”. Ученье при распределении материала по томам и в пределах тома эти группы статей очень следовало бы» (письмо от 13 июня 1931 г. // Архив РАН. Ф. 597. Оп. 4. Ед. ф. 55. Л. 9–9об., 10, 10об., 11–11об.); «Если Вы хотите придать настоящему изданию академический характер, то можно ли игнорировать ранние писания Добролюбова по историко-литературным и филологическим вопросам, можно ли исключать из первого тома наброски неоконченных статей, компилятивные заметки из “Слухов” (вроде “Полежаева”) и пр. Место этим опытам, конечно, в приложениях, а не в основном тексте, но в академическом издании напечатано должно быть всё, писанное Добролюбовым» (письмо от 7 июня 1933 г. // Архив РАН. Ф. 597. Оп. 4. Ед. ф. 55. Л. 31–31об.). Ср. с положениями редакционного предисловия к первому тому собрания, написанного Оксманом: «При перепечатке публикаций Добролюбова в “Современнике” мы сочли необходимым отделить статьи, появившиеся в отделе “Критика”, от рецензий, группировавшихся в отделе “Новые книги”. Эти журнальные рубрики, спорные во всех изданиях “Сочинений” Добролюбова, были далеко не безразличны и для редакции “Современника”, и для самого Добролюбова и даже для его читателей. Статья, рассчитанная на отдел “Критика”, строилась и воспринималась как журнальная передовица, всегда должна была иметь определенную декларативно-установочную или проблемную значимость, давать не эпизодические разборы, а уже как бы итоги критической проработки того или иного автора <...> Несравненно менее ответственные, всегда анонимны и нередко даже случайны беглые отклики Добролюбова на текущую печатную продукцию в рубрике “Новые книги”. Не всегда рассчитанные на широкий общественно-литературный резонанс, рецензии Добролюбова и по своему материалу и по методам его оформления резко отличаются от его же статей» (От редакции // Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Литературная критика. Статьи и рецензии 1856–1858 гг. [М.:] Л., 1934. С. XII). Выход в свет нового собрания сочинений Добролюбова в 1961–1964 гг. естественным образом заставил Оксмана самым внимательным образом изучить его и даже вступить в небольшую полемику с редакцией издания. Об этом многие годы спустя писал историк литературы и текстолог Б.Ф. Егоров: «Большинство членов редколлегии и составителей томов без колебаний сошлось во мнении, что, помимо художественных произведений, дневников и писем, все публицистические и литературно-критические материалы нужно публиковать в едином хронологическом порядке без разделения на статьи и рецензии. Если в 1840-х годах, во времена Белинского, разделение еще имело смысл, то редакция “Современника”, понимая условность жанровой специфики, с 1858 года отказалась от дробных разделов, и в каждом номере журнала имели место только два отдела “Словесность, наука и искусство” и “Критика и библиография”». Далее

мемуарист привел весьма любопытный фрагмент письма Оксмана к нему от 4 сентября 1959 г., в котором ученый отстаивал свою позицию по этому вопросу, расходящуюся с мнением всей редколлегии: «Хронологический принцип устраивает не читателя, а исследователя <...> Но как можно в интересах нескольких десятков специалистов отпугивать от наших классиков миллионы читателей, как можно глумиться над волей автора, вытягивая в струнку и его шедевры, и его халтуру, механически объединять перлы мировой лирики с детскими виршами и случайными экспромтами <...> А ведь этот самый хронологический принцип часто является совершенной условностью, ибо даже произведения Пушкина, печатавшиеся как лицейские, оказывались потом предсмертными (и наоборот!). Но ведь и Добролюбов должен печататься даже по вашему плану не по законам Лемковского издания Герцена, а с учетом жанра произведений, ведь не даете вы “Свисток” попеременно с рецензиями и статьями! Так почему же не задуматься об отделении статей от рецензий, подписанного от анонимного. Знаю, что в отделе “Библиографическая хроника” печатались иногда и статьи (например, рецензия на Розенгейма). Но ведь данных случаев 5–6, и мы перенесем эти мнимые рецензии в первый раздел, объяснив свое решение в примечаниях» (*Егоров Б.Ф.* Воспоминания. СПб., 2004. С. 313, 314).

IV.

Вопросы текстологии.

<Заметки к специальному курсу лекций>¹

Текстологией называется филологическая дисциплина, изучающая приемы критического изучения текста всех видов художественных и научных произведений, государственных и частных актов, отдельных документов, писем и т.п., — как рукописных, так и печатных. <...>

Текстология, как научная дисциплина, находится еще в стадии оформления. Ее представляют в нашем литературоведении кустари-одиночки, люди большого опыта, достигшие в своей личной практике иногда предельного мастерства, ювелирной техники работы, но еще теоретически не осмыслившие своего опыта, не успевшие даже подытожить его результатов. Мы не располагаем не только учебником текстологии, но даже сводом основных ее правил, инструкций, сборниками статей по конкретным вопросам текстологич<еской> работы. Ценная книга Б.В. Томашевского, обобщившая опыт его практич<еской> работы, как редактора классиков, методологически несостоятельна и фактически отражает лишь период, т<ак> с<казать>, «первоначального накопления» материала — давно пройденную стадию советской текстологии².

Пушкинисты — как текстологи. Я.К. Грот и его воспр<ятие> текста «19 октября»³. В.Е. Якушкин⁴. М.Л. Гофман⁵. Фетишизм документа — «транскрипция» вм<есто> критического изучения. «Здравый смысл», а не методология филологич<еской> работы <...>

Классификация рукописей:

1. Автографы; 2. Списки или копии (но копию может снять и сам автор, — напр<имер> письмо Бел<инского> к Гоголю, «Вольность»⁶). Копии авторитетные, авторизованные и случайные. Иногда список ценнее автографа. Напр<имер>, в тех случаях, когда автограф ранний, а список копирует недошедшую до нас беловую редакцию. Напр<имер>, списки «Кинжала»⁷, «Царь наш — немец русский»⁸, «Горе от ума»⁹. Беловики и черновики. Авторская «сводка».

Регистрация рукописей и их описание

Регистрация — нумерация, шифр. «Дипломатика» — указание материальных особенностей рукописи: ее формат, качество бумаги, водяные знаки, цвет чернил или карандаша, обрез (это важно для установления подлинности документа, существенно для датировки). Примеры: «К кастрату раз пришел скрипач» (дата по водяному знаку!), критические наброски Пушкина, бумаги Раевского. <...>

Полнота издания не означает права на равноправное соседство шедевров поэта с его черновиками или с начальными набросками больших произведений, из которых потом выделяются новые произведения. Ср. так называемые послания Раевскому¹⁰.

Более сложен такой случай, как черновое послание к брату, Л.С. Пушкину (1824 г.) <...>

Этот черновик исключительно ценен для биографов Пушкина, как документальное подтверждение планов бегства Пушкина из Одессы за границу. Но можно ли считать этот текст необходимой принадлежностью массовых изданий Пушкина?

Ведь Пушкин не просто забраковал или утаил эти стихи от читателя. Он их широко использовал в своей последней работе. Так, например, строфа вторая перекочевала в «Цыганы», в так называемый монолог Алеко — сыну («Прими привет сердечный мой, Дитя любви, дитя природы И с даром жизни дорогой Неоцененный дар свободы») и пр.).

А строфа 3-я оживает почти дословно в 6-ой главе «Онегина» <...>

Пушкин не допускал печатных самоповторений, словесных и ритмических дубликатов. Иногда из-за одной строчки оставались ненапечатанными замечательные произведения <...>

Однотомники

Наиболее демократичная форма издания (компактность, дешевизна). «Полное собрание сочинений русских авторов» Смирдина¹².

Однотомники поэтов. Однотомники романистов и драматургов. Трудности дать полное собрание сочинений в одном томе (Писемский, Тургенев, Островский).

Вопрос о вариантах и о комментариях в однотомнике. История издания однотомника Лермонтова (работа Б.М. Эйхенбаума)¹³.

Хронология. Размещение материала или хронологическое или жанровое. Размещение материала по циклам прижизненных изданий. Напр<имер>, изд<ание> Баратынского в «Биб<лиотеке> поэта» в 1936 г.

М.Л. Гофман отказался от сборника 1835 г. и более поздних исправлений старых текстов, предпочтя им первые публикации в изд<ании> 1827 г. и в журналах и альманахах (Мотив — Барат<ынский> завоевал признание в нач<але> 20-х годов, а потом только портил свои стихи)¹⁴.

Буржуазно-формалистическая текстология, в основе которой лежит методология субъективного идеализма, оставила след и в текстологии советской. Функцию передаточной инстанции осуществлял М.Л. Гофман, автор «Первой главы науки о Пушкине»¹⁵. Рецидив этих взглядов мы находим и в первых работах Б.В. Томашевского, К.И. Халабаева, Б.М. Эйхенбаума¹⁶. «Категорич<еский> императив»: «последняя воля автора»¹⁷ (Гофман) или обратный принцип — только рукопись (Б.В. Томаш<евский> в первых издан<иях> однотомника Пушкина) — одинаково неприемлемы (ср. вопрос о «канонич<еском>» тексте Успенского, когда одинаково неприемлемы опоры и на рукопись и на послед<нее> издание)¹⁸.

Нет и не может быть никаких априорных абсолютов при реш<ении> вопроса о канонич<еском> тексте. В каждом конкретном случае вопрос решается филологической критикой конкретного текста конкретного произведения конкретного автора. Без предв<арительного> детального изучения рукопис<ного> и печат<ного> наследства того или иного автора нельзя давать рецептуры издания.

Академическое издание должно предшествовать массовому. Во многих отношениях редактор акад<емического> издания легче разрешает проклятые вопросы, ибо в его распоряжении больше возможностей (аппарат издания: варианты и примечания). В академ<ическом> издании мы имеем возможность давать две и даже три редакции произведения. («Портрет» Гоголя, «Тарас Бульба» — текст «Миргорода» 1834 г. и текст четырехтомн<ого> собр<ания> соч<инений> 1842 г.).

«Русские Ночи» В.Ф. Одоевского (1844 г.). В 1913 г. С.А. Цветков выпустил нов<ое> издание этого цикла повестей, при чем не ограничился перепечаткой последних, а обратился к архиву Одоев<ского>, в кот<оро>м оказался экз<емпля>р «Р<усских> Ноч<ей>» с поправками и дополнениями Одоевск<ого>. Поправки очень интересные, напр<имер>: «сила молитвы» заменяется «силой любви»; «то са-

мое выражение» — «то же глупое выражение»; «в полупотухших остолбенелых глазах мешалась горькая зависть с бешеным воспоминанием прошедшего, — и всё вертелось, прыгало, бесновалось в сладострастном безумии». Эта сентенция заменена была короткой: «горькая зависть с горьким воспоминанием прошедшего».

Что это за поправки? Если бы это были поправки 40-х годов, мы могли бы поставить вопрос об их учете, но это переделка 60-х годов!

15 лицейских стихотворений, переделанных для издания 1826 г.¹⁹.

Рабочая транскрипция

Печатные транскрипции, подменяющие работу текстолога работой копировальщика, бесполезны. Исследователям и читателям нужны, да и то в очень редких случаях, конкретные варианты и общие выводы (по творч<еской> истории произведения). Даже фотография рукописи имеет очень огранич<енное> значение, если эта фотография не сопровождается научным описанием рукописи, кот<ор>ая была сфотографирована. Иногда фотографии не помогали, а лишь запутывали исследователя (Пример — редакционная работа Козьмина над критической прозой Пушкина)²⁰.

Но для себя, для черновой лабораторной работы над изуч<ением> черновой рукописи, полезна рабочая транскрипция.

Чем ближе эта транскрипция будет к фотографии — тем лучше. Поменьше услов<ных> обозначений, а побольше точности в передаче оригинала (зачеркнутое — и самим перечеркивать, надписанное и самим надписывать). Но всё делать в бóльших масштабах, чем в оригинале. Именно увеличенные масштабы облегчают изучение. Сочетать транскрипцию с описанием (цвет чернил, последовательность нанесенных поправок, карандаш и чернила, особенности бумаги). Знаки вопроса (чем сомнительнее ваша расшифровка того или иного слова, тем больше «? ? ?») <...>

Анонимные тексты как раздел текстологии. 1) Тексты печатные (статьи без подписей в журналах и альманахах); 2) Тексты рукописные <...>

Основной задачей текстологии, в наиб<олее> общей формулировке, является правильное прочтение авторского текста* (А.Б. Шапиро). Против этого ничего нельзя возразить, к этому нечего прибавить, но раскрытие приведенной формулировки приводит к постановке целого ряда серьезнейших вопросов, касающихся как

содержания работы текстолога, так и методов ее («Текстологич<е>ские> заметки»).

* Но «телеология» этого чтения? — Издание текста. И не текста, а текстов. Отдель<ное> произведение и совокупность произ<веде-ни>й, собрание сочинений и полн<ое> собр<ание> сочинений.

Советский текстолог — это вовсе не квалифицирован<ный> корректор — это литературовед высшего класса.

Накоплен огромный опыт, но не обобщен. Теория отстает от практики.

Наука ли текстология? Нет, она не отвечает основному критерию, определяющему сущность той или иной самостоя<тельной> научной дисциплины, не вскрывает объективные законы развития природы или общества, не изучает объективно-истор<ических> закономерностей.

Вспомогат<ельная> филологич<еская> дисциплина, как палеография, археография, или часть источниковедения²¹.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 1, лоб.-2, 2об., 3об., 4, 9–11об., 13а, 14–15. Опушен ряд выписанных Ю.Г. Оксманом цитат из текстологических работ и поэтических текстов, а также рабочие библиографические выписки и конспективные наброски планов лекций.

¹ Датируется второй половиной 1950-х гг. (предположительно 1956–1958), в частности по содержанию — цитирование в тексте «Текстологических заметок» А.Б. Шапиро (см.: Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. статей. М., 1956. С. 285–298) и расположение нескольких последних абзацев заметок на обороте машинописного черновика рецензии Оксмана «Новый библиографический путеводитель по “Колоколу” Герцена» (Вопросы литературы. 1958. № 11. С. 214–220).

² Этот весьма спорный отзыв относится к изданию: *Томашевский Б.* Писатель и книга. Очерк текстологии. М., 1928 (2-е изд., испр. и доп.: М., 1959).

³ В собрании трудов историка литературы, лингвиста, текстолога Якова Карловича Грота (1812–1893) значительную часть третьего тома занимает раздел «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», включающий главу «Автограф “19 октября”». Она представляет собой очерк истории автографа стихотворения Пушкина (с воспроизведением текста и сопутствующими комментариями), приобретенного М.Л. Яковлевым по просьбе Н.И. Миллера и хранившегося тогда в Александровском лицее. Автограф отличался от текста, появившегося в печати при жизни Пушкина, тем, что заключал в себе восемь строф, опущенных при публикации. При этом различия были переданы в работе Грота с помощью типографского зачеркивания строк, а иногда и целых строф, а также помещения вариантов печатного текста над зачеркнутыми фрагментами текста автографа, что представляло собой очень несовершенный прообраз использовавшейся следующими поколениями текстологов транскрипции (см.: Труды Я.К. Грота. III. Очерки из истории русской литературы (1848–1893): Биографии, характеристики и критико-библиографические заметки / Изд. под ред. проф. К.Я. Грота. СПб., 1901. С. 142–154).

⁴ В данном случае имеются в виду не утратившие своего научного значения работы историка русской литературы, публициста Вячеслава Евгеньевича Якушкина (1856–1912),

уже с 1880-х гг. весьма плодотворно разрабатывавшего источниковедческую базу пушкинистики, в частности: *Якушкин В.Е.* Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // *Русская старина.* 1884. № 2–12, февр.–дек.; *Якушкин В.Е.* О Пушкине: Статьи и заметки. М., 1899. Обязательством публикации первой из них Оксман посвятил специальную работу: *Оксман Ю.Г.* Эпизод из истории пушкинского печатного текста // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XXXI–XXXII. Л., 1927. С. 61–66. Кроме того, в 1883 г. в газете «Русские ведомости», в 1887 г. в журнале «Русская старина», а также в 1903 г. в журнале «Литературный вестник» появлялись отзывы Якушкина об изданиях собраний сочинений Пушкина, содержащие их критику именно с источниковедческой и текстологической сторон.

⁵ Речь идет, главным образом, о книге «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» (1922; 2-е изд., исправленное и дополненное автором, вышло в том же году), написанной пушкинистом, литературоведом, поэтом Модестом Людвиговичем Гофманом (1887–1959). В ней весьма тенденциозно оценивалось положение отечественного пушкиноведения, например: «Что мы знаем о процессе поэтического творчества Пушкина, о его композиции и поэтических приемах? — На этот вопрос легко и просто ответить одним словом — ничего. В изданиях сочинений Пушкина печатаются варианты, почерпнутые из печатных изданий и захваченные во время случайных набегов на рукописи Пушкина, но эти варианты только загромаждают издания и не служат материалом для исследования вопроса о том, как работал Пушкин, как добивался он поэтического совершенства, и в чем он видел поэтическое совершенство». Первая глава, после предисловия, занимавшего четвертую часть всего объема книги, открывалась утверждением автора о том, что «до сих пор у нас нет ни канонического текста, ни полного собрания сочинений Пушкина. Более того: при современном состоянии пушкиноведения и не предвидится появление такого издания сочинений Пушкина, и даже самая возможность его ставится под вопрос». Основное содержание книги составляла критика редакторской работы в области пушкинской текстологии с начала 1880-х г. вплоть до современных автору изданий сочинений Пушкина с привлечением многочисленных примеров. Приводя образцы редакторского своеволия, контаминаций, Гофман вместе с тем не предлагал критикуемому им пушкиноведению ничего нового, ограничиваясь лишь общими замечаниями в таком роде: «недопустимы никакие исправления и дополнения из черновых рукописей или из творческого воображения редактора, недопустимы никакие вставки «на свои места» пропущенных строф и отрывков, кроме тех случаев, когда такие вставки и изменения произошли от вторжения в текст поэта цензурного произвола <...> В основу датировки должна лечь датировка самого поэта (в его изданиях, рукописях, перечнях и письмах); может и должна быть исправлена датировка и самого Пушкина, но это исправление может производиться только на основании совершенно точных и бесспорных данных» (*Гофман М.Л.* Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Изд. 2-е, доп. Пб., 1922. С. 44, 49–50, 151–152, 158).

⁶ См.: *Оксман Ю.Г.* Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ // Ученые Записки Саратовского государственного университета. Вып. филолог. Т. XXXI. Саратов, 1952. С. 111–204. В начале 1955 г. Оксман намеревался осуществить свой многолетний замысел — подготовить и выпустить в свет отдельное академическое издание этого литературного памятника, о чем свидетельствует его заявление в редакцию академического собрания сочинений Белинского, датированное 5 февраля 1955 г., с просьбой включить в план изданий ИРЛИ АН СССР его работу «Письмо Белинского к Гоголю. Текст. Варианты. Исследование»: «В настоящем издании будет существенно уточнен текст письма Белинского к Гоголю, установленный мною еще в 1948 г. и опубликованный в «Литературном Наследстве» (т. 57). В 1948 г. в моем распоряжении было 20 списков письма — в настоящее время мною выявлено в государственных архивах и частных собраниях еще <1>4 списков, позволяющих внести значительные исправления в текст общеизвестный. Существенные дополнения и уточнения внесены мною и в историю распространения письма, установленную в моем исследовании «Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ» («Ученые Записки СГУ», т. XXXI, 1952). Заново написаны мною главы: Белинский и традиции «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева; Письмо Белинского к Гоголю в восприятии ссыльных декабристов; Письмо Белинского к Гоголю и его политическая функция в годы Крымской войны; Письмо Белинского к Гоголю и записка Л.Н. Толстого о положении русской армии в 1854–1855 гг.; Письмо Белинского к Гоголю и нелегальная литература 60–70-х годов; Письмо Белинского к Гоголю и большевистская печать 1905–1917 гг. Размер издания 10 печатных листов»

(РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1070. Л. 20). Издание осуществлено не было. В архиве Оксмана сохранились: машинопись упомянутого исследования 1952 г. с правкой автора, замечания к неосуществленному изданию, о котором Оксман пишет в процитированном заявлении, а также целый ряд черновых заметок и рабочих выписок к исследованию (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 44, 60, 127). См. также исследование Оксмана, посвященное «Вольности» (см. примеч. 10 к стенограмме выступления 12 мая 1954 г.).

⁷ Сохранились лишь два автографа этого стихотворения — черновой в записной книжке, находящейся в собрании РНБ, и еще один, с целым рядом неточностей — в тетради из библиотеки С.Д. Полторацкого, хранящейся в НИОР РГБ (Пушкин, дописывая окончание «Кинжала» в текст, с ошибками переписанный Полторацким, намеренно сделал еще одну ошибку). При публикации стихотворения в Академическом Полном собрании сочинений Пушкина в 1949 г. в основу были положены данные списков из тетрадей В.Ф. Щербакowa, А.В. Шереметева, а пятая строфа опубликовалась на основании учета данных автографа и целого ряда списков, по мнению публикаторов, восходящих к утраченному беловому автографу.

⁸ Оксман посвятил истории возникновения и распространения этой агитационной песни подробную, богато документированную источниковедческими и текстологическими данными статью: *Оксман Ю.Г.* Агитационная песня «Царь наш — немец русский» // *Литературное наследство*. Т. 59: Декабристы-литераторы. Т. I. М., 1954. С. 69–84.

⁹ См.: *Пиксанов Н.К.* История текста «Горя от ума» и принципы настоящего издания // *Грибоедов А.С.* *Горе от ума* / Изд. подгот. Н.К. Пиксанов при участии А.Л. Гришунина. 2-е изд., доп. М., 1987. (Литературные памятники). С. 388–443.

¹⁰ Отсылаем читателя к статье на эту тему: *Цявловский М.А.* Стихотворения, обращенные к декабристу В.Ф. Раевскому // *Цявловский М.А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 15–27.

¹¹ Речь идет о стихотворном «Послании к Л. Пушкину» («[Что же? будет] ли вино?»), фрагмент которого сам Пушкин опубликовал еще в 1833 г., как примечание к XLV строфе четвертой главы «Евгения Онегина».

¹² Издатель Александр Филиппович Смирдин (1795–1857) в издававшейся им в 1846–1856 гг. серии «Полное собрание сочинений русских авторов» выпустил тома сочинений Батюшкова, Веневитинова, Гнедича, Грибоедова, Даля, Дельвига, Державина, Карамзина, Лермонтова, Ломоносова, Тредиаковского и многих других авторов.

¹³ Упомянуто издание: *Лермонтов М.Ю.* Сочинения / *Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума*. 6-е изд. М., 1934. А.В. Блюм писал, что в начале 1930-х гг., по причине весьма сомнительного «пуританизма» советской цензуры, «Главлит предписал “изъять из общественных и школьных библиотек собрания сочинений Лермонтова (4-е и 5-е издание ГИЗа за 1931 г.)”, а в дальнейшем новое издание разрешил “при условии изъятия порнографических стихотворений и пересмотра его писем”. В результате такой вивисекции 6-е издание “Сочинений” <...> Лермонтова было сильно сокращено сравнительно с предшествующими (удален ряд юношеских стихотворений, писем и т.д.)...» (*Блюм А.В.* *Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями*. СПб., 2003. С. 443).

¹⁴ *Баратынский Е.А.* Полное собрание стихотворений. В 2 т. / *Ред., коммент. и биогр. статьи Е. Купреяновой, И. Медведевой; вступ. статья Д. Мирского*. Л., 1936. (Б-ка поэта. Большая серия). Во второй том этого издания вошли поэмы Баратынского, а первый том включал следующие разделы: сборник стихотворений 1827 г.; избранные тексты из собрания «Стихотворения Евгения Баратынского» 1835 г., дополняющие издание 1827 г.; сборник «Сумерки»; стихотворения последних трех лет жизни Баратынского, а также в качестве приложения — стихотворения, не включенные в сборники, написанные совместно с другими поэтами, а также приписываемые Баратынскому. Оксман упоминает также подготовленное М.Л. Гофманом издание: *Полное собрание сочинений Е.А. Баратынского* / *Под ред. и с примеч. М.Л. Гофмана*. В 2 т. СПб., 1914–1915.

¹⁵ См. примеч. 5 и 17.

¹⁶ Надо полагать, что имеются в виду уже упомянутые работы Томашевского по изданию наследия писателей-классиков (участие в собраниях сочинений, подготовка к печати однотомных изданий сочинений Пушкина, Достоевского, Островского, Гаршина, Гончарова, Кольцова в 1920-е гг.), по составлению и редактуре томов серии «Библиотека

поэта», а также работа историка литературы Бориса Михайловича Эйхенбаума (1886–1959) и литературоведа, издательского работника Константина Ивановича Халабаева над изданием наследия Лермонтова, их опыт подготовки собраний сочинений Тургенева, Гоголя, Салтыкова-Щедрина в 1920–1930-е гг.

¹⁷ Прочитируем соответствующий фрагмент книги Гофмана: «Редактор сочинений Пушкина должен стремиться к тому, чтобы наиболее полно и совершенно выразилась и осуществилась воля художника <...> и чтобы тщательно собран был весь его поэтический материал, но вполне и безусловно должен отказаться от всякого переделывания и искажения созданий Пушкина, от всякого совместного с Пушкиным авторства. Автором — должен быть только Пушкин, редактор же должен наблюдать, чтобы самодержавно-художественная воля Пушкина не была нарушаема посторонними вторжениями; редактор должен отказаться от всякого сочинительства и должен помнить, что без приглашения автора никакое авторское сотрудничество недопустимо. Побольше такта и уважения к воле художника — Пушкина, поменьше посягательств на переименование, переделывание его созданий и на его художественную волю!» (*Гофман М.Л.* Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. С. 57–58).

¹⁸ Это замечание Оксмана относится к тому известному обстоятельству, что Глеб Успенский, готовя к отдельному изданию, к примеру, свои очерки или рассказы, напечатанные ранее в журналах, нередко подвергал их весьма значительной правке и неоднократным сокращениям, которые, в свою очередь, не всегда были последовательными и доведенными до конца, отчего в текстах при последующих изданиях возникали некоторые текстовые неясности. Переработка в ряде случаев доходила до того, что из прежнего текста, путем развития сюжетной линии, намеченного образа и т.д., возникало новое самостоятельное произведение. Также некоторые из рассказов писателя, собранные им в единый цикл, впоследствии изымались и публиковались им как отдельные произведения, имели место также и обратные примеры его обращения с собственными текстами. В девятитомном собрании сочинений писателя, выходившем в середине 1950-х гг., т.е. наиболее близком ко времени написания публикуемых заметок Оксмана, значительная часть текстов публиковалась по последнему прижизненному изданию: Сочинения Глеба Успенского в двух томах. Т. 2. 3-е изд. Ф. Павленкова. СПб., 1889.

¹⁹ См.: *Кн. В.Ф. Одоевский*. Русские ночи / Под ред. [и с предисл.] С.А. Цветкова. М., 1913. Не решаясь комментировать указание Оксманом на изменения в текстах лицейских стихотворений Пушкина, произведенные для издания 1826 г., отсылаем читателя к наиболее авторитетным статьям на эту тему — «Источники текстов лицейских стихотворений» М.А. Цявловского и «Лицейское творчество Пушкина» В.Э. Вацура, а также к разделам «Другие редакции и варианты» и «Комментарии» в новейшем академическом издании: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 1: Лицейские стихотворения. 1813–1817 / Текст проверили и примечания составили: В.Э. Вацура, М.Н. Виролайнен, Е.О. Ларионова, Ю.Д. Левин, О.С. Муравьева, Н.Н. Петрунина, С.Б. Федотова, И.С. Чистова; ред. тома В.Э. Вацура. СПб., 1999.

²⁰ Литературовед и пушкинист Николай Кирович Козьмин (1873–1942) подготовил две книги IX тома академического издания Полного собрания сочинений Пушкина (начато еще в 1899 г.). «Историко-литературные, критические, публицистические и полемические статьи и заметки» под редакцией Козьмина, сданные в набор еще в 1912 г., вышли из печати лишь в 1928–1929 гг. Н.В. Измайлов писал в 1974 г. о текстологических принципах издания в 1900–1910-е гг.: «Единственным способом “подачи” черновых текстов были признаны транскрипции, а “первым образцом” транскрипций — “известная” книга И.А. Шляпкина “Из неизданных бумаг А.С. Пушкина” (1903), т.е. книга, ставшая для текстологов нашего времени образцом того, как не следует читать и передавать печатно черновые рукописи. Но тогда это было действительно “последнее слово” текстологии» (*Измайлов Н.В.* Академическое издание сочинений Пушкина // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка.* 1974. Т. 33, № 3. С. 255).

²¹ В июне 1960 г. во внутреннем отзыве на рукопись подготовленного сотрудниками ИМЛИ коллективного труда «Основы текстологии» Оксман высказывал сходные соображения относительно определения самого понятия «текстология»: «В самом определении текстологии как “филологической, литературной науки” меня смущает некоторая шаткость и недостаточная мотивированность словосочетания “филологическая, литературная наука”. Не лучше было бы уточнить эту формулу следующим образом:

«Текстология — это специальная филологическая дисциплина, предметом которой является изучение приемов анализа текстов литературных произведений в целях их правильного понимания, критической проверки, исправления и публикации». Здесь же, говоря о специфике текстологии, он подчеркивал взаимную связь ее теории и методологии с практической работой текстологов: «...вольный или невольный отрыв теории от практики несовместим с установлением каких бы то ни было закономерностей и достижений в любой научной дисциплине» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед.хр. 171. Л. 4, 5).

Литература

XI Всесоюзная Пушкинская конференция; Обсуждение в Московском гос. музее А.С. Пушкина Собрания сочинений А.С. Пушкина (М.: Гослитиздат, 1959–1962). 6 февраля 1963 // *Рака В.Д.* Пушкин, Достоевский и другие (Вопросы текстологии, материалы к комментариям). СПб.: Академический Проект, 2003. С. 229–245.

Блюм А.В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2003. 403 с.

Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: ГИХЛ, 1961. 616 с.

Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. 390 с.

Егоров Б.Ф. Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2004. 472 с.

Измайлов Н.В. Академическое издание сочинений Пушкина // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка.* 1974. Т. 33, № 3. С. 254–256.

«Искренне Ваш Юл. Оксман» (письма 1914–1970-го годов) / Публ. М.Д. Эльзона, предисл. В.Д. Рака, примеч. В.Д. Рака и М.Д. Эльзона // *Русская литература.* 2003. № 4. С. 182–220.

Оксман Ю.Г. Агитационная песня «Царь наш — немец русский» // *Литературное Наследство.* Т. 59: Декабристы-литераторы. I. М.: АН СССР, 1954. С. 69–84.

Оксман Ю.Г. Николай Осипович Лернер / Вступ. ст. и публ. С.И. Панова // *Пушкин и его современники.* Вып. 4 (43). СПб.: Нестор-История; СПбИИ РАН, 2005. С. 164–214.

Оксман Ю.Г. Новое издание Герцена // *Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка.* 1956. Т. XV. Вып. 2. С. 166–171.

Оксман Ю.Г. Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ // *Ученые Записки Саратовского государственного университета.* Вып. филолог. Т. XXXI. Саратов, 1952. С. 111–204.

Оксман Ю.Г. Политическая лирика и сатира Пушкина // «Тамиздат». От осуждения — к диалогу: Памяти Антонины Петровны Оксман посвящается. Саратов. 1990. С. 63–89.

Оксман Ю.Г. Пушкин и декабристы // Освободительное движение в России: Посвящается памяти Юлиана Григорьевича Оксмана: Межвуз. науч. сб. I. Саратов, 1971. С. 70–88.

Оксман Ю.Г. Пушкинская ода «Вольность» (К вопросу о датировке) // Проблемы истории культуры, литературы и социально-экономической мысли: Межвузовский науч. сб. Вып. 5, ч. 2. Саратов, 1989. С. 3–33.

Оксман Ю.Г. Стенограмма выступления на конференции по обсуждению юбилейного издания сочинений Л.Н. Толстого 11 ноября 1935 г. в Пушкинском Доме / Публ. В.А. Викторovichа // Сюжет и время: Сб. науч. трудов к 70-летию Г.В. Краснова. Коломна, 1991. С. 188–192.

Оксман Ю.Г. Эпизод из истории пушкинского печатного текста // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XXXI–XXXII. Л., 1927. С. 61–66.

Парсамов В.С. Ю.Г. Оксман и революция 1917 г. // Вестник РГГУ (Серия «История. Культурология. Филология. Востоковедение»). 2017. № 5 (26). С. 92–108.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 1: Лицейские стихотворения. 1813–1817 / Текст проверили и примечания составили: В.Э. Вацуро, М.Н. Виролайнен, Е.О. Ларионова, Ю.Д. Левин, О.С. Муравьева, Н.Н. Петрунина, С.Б. Федотова, И.С. Чистова; ред. тома В.Э. Вацуро. СПб.: Наука, 1999. 839 с.

Совещание по вопросам текстологии // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1954. Т. XIII. Вып. 4. С. 392–396.

Цявловский М.А. Стихотворения, обращенные к декабристу В.Ф. Раевскому // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М.: АН СССР, 1962. С. 15–27.

Шапиро А.Б. Текстологические заметки // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. статей. М.: АН СССР, 1956. С. 285–298.

Pouchkina I. Julian Grigor'evič Oksman et son rôle dans l'édition académique des Oeuvres d'Alexandre Herzen: ébauche de Mémoires // Revue des études slaves. 2012. Vol. 83, numéro 1. P. 41–64.

References

XI Vsesoiuznaia Pushkinskaia konferentsiia.; Obsuzhdenie v Moskovskom gos. muzee A.S. Pushkina Sobraniia sochinenii A.S. Pushkina (M.: Goslitizdat, 1959–1962). 6 fevralia 1963 [XI all-Union Pushkin conference; Discussion of Pushkin's Collected Works in the Moscow Pushkin State Museum (Moscow, Goslitizdat Publ, 1959–1962). February 6, 1963]. Rak V.D. *Pushkin, Dostoevskii i drugie (Voprosy tekstologii, materialy k kommentariiam)* [Pushkin, Dostoevsky and others (Questions of textual criticism, background material for the commentary)]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 2003, pp. 229–245. (In Russ.).

Blium A.V. *Zapreshchennye knigi russkikh pisatelei i literaturovedov. 1917–1991. Indeks sovetskoi tsenzury s kommentariiami* [Forbidden books by Russian writers and literary critics. 1917–1991. Soviet censorship index with comments]. St. Petersburg, State University of Culture and Arts Publ., 2003. 403 p. (In Russ.).

Egorov B.F. *Vospominaniia* [Memoirs]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2004. 472 p. (In Russ.).

“Iskrenne Vash Iul. Oksman” (pis'ma 1914–1970-go godov) [“Sincerely yours Yul. Oksman (letters of 1914–1970)”, publ. by M.D. Elzon, intro. by V.D. Rak, comment. by V.D. Rak and M.D. Elzon. *Russkaia literatura*, 2003, no 4, p. 182–220. (In Russ.).

Izmailov N.V. Akademicheskoe izdanie sochinenii Pushkina [Scholarly edition of Pushkin's works]. *Izvestiia AN SSSR. Serii literatury i iazyka*, 1974, vol. 33, no. 3, pp. 254–256. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Agitatsionnaia pesnia “Tsar' nash — nemets russkii” [Propaganda song “Our Tsar is Russian German”]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 59: Dekabristy-literaturnoe nasledstvo. Vol. 59: Decembrists — men of letters. I*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1954, pp. 69–84. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Epizod iz istorii pushkinskogo pechatnogo teksta [An episode from the history of Pushkin's printed text]. *Pushkin i ego sovremenniki. Materialy i issledovaniia. Vyp. XXXI–XXXII* [Pushkin and his contemporaries. Materials and studies. Issue. XXXI–XXXII]. Leningrad, 1927, pp. 61–66. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Nikolai Osipovich Lerner, intro. and ed. by S.I. Panov. *Pushkin i ego sovremenniki. Vyp. 4 (43)* [Pushkin and his contemporaries. Iss. 4 (43)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., St. Petersburg Institute for History of the RAS Publ., 2005, pp. 164–214. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Novoe izdanie Gertsena [New edition of Herzen]. *Izvestiia Akademii Nauk SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*, 1956, vol. XV, no. 2, pp. 166–171. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Pis'mo Belinskogo k Gogoliu kak istoricheskii dokument [Belinsky's letter to Gogol as a historical document]. *Uchenye Zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. filolog. T. XXXI* [Saratov State University proceedings. Philol. issue. Vol. XXXI]. Saratov, 1952, pp. 111–204. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Politicheskaya lirika i satira Pushkina [Pushkin's political lyrics and satire]. “*Tamizdat*”. *Ot osuzhdeniia — k dialogu: Pamiati Antoniny Petrovny Oksman posvyashchaetsia* [“Tamizdat”. From condemnation to dialogue. In memory of Antonina Petrovna Oksman]. Saratov, 1990, pp. 63–89. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Pushkin i dekabristy [Pushkin and the Decembrists]. *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Posvyashchaetsia pamiati Iuliana Grigor'evicha Oksmana: Mezhevuz. nauch. sb. I* [Liberation movement in Russia: In memory of Yulian Grigorievich Oksman. Interuniversity collection of scholarly articles. I]. Saratov, 1971, pp. 70–88. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Pushkinskaia oda “Vol'nost'” (K voprosu o datirovke) [Pushkin's ode “Liberty” (Revisiting the dating)]. *Problemy istorii kul'tury, literatury i sotsial'no-ekonomicheskoi mysli: Mezhevuzovskii nauch. sb. Vyp. 5, ch. 2* [Problems of the history of culture, literature and socio-economic thought: Interuniversity collection of scholarly articles. Vol. 5, pt. 2]. Saratov, 1989, pp. 3–33. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Stenogramma vystupleniia na konferentsii po obsuzhdeniiu iubil'nogo izdaniia sochinenii L.N. Tolstogo 11 noiabria 1935 g. v Pushkinskom Dome [Transcript of a speech at the conference discussing the anniversary edition of works by L.N. Tolstoy on November 11, 1935 at the Pushkin House], publ. by V.A. Viktorovich. *Siuzhet i vremia: Sb. nauch. trudov k 70-letiiu G.V. Krasnova* [Plot and time:

A collection of scholarly articles to the 70th anniversary of G.V. Krasnov]. Kolomna, 1991, pp. 188–192. (In Russ.).

Parsamov V.S. Ju.G. Oksman i revolyutsiia 1917 g. [Yu.G. Oksman and the revolution of 1917]. *Vestnik RGGU (Seriiia "Istoriia. Kul'turologiia. Filologiia. Vostokovedenie")*, 2017, no. 5 (26), pp. 92–108. (In Russ.).

Ptouchkina I. Julian Grigor'evič Oksman et son rôle dans l'édition académique des Oeuvres d'Alexandre Herzen: ébauche de Mémoires. *Revue des études slaves*, 2012, vol. 83, no. 1, pp. 41–64.

Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij: V 20 t. T. 1: Litseiskie stikhotvoreniia. 1813–1817* [Complete works. In 20 vols. Vol. 1: Lyceum poems. 1813–1817], ed. and comment. by V.E. Vatsuro, M.N. Virolainen, E.O. Larionova, Y.D. Levin, O.S. Murav'eva, N.N. Petrunina, S.B. Fedotova, I.S. Chistova. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. 839 p. (In Russ.)

Shapiro A.B. Tekstologicheskie zametki [Textual notes]. *Akademiku Viktoru Vladimirovichu Vinogradovu k ego shestidesiatiletiiu. Sb. statei* [To academician Viktor Vladimirovich Vinogradov to his 60th anniversary. A collection of essays]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1956. pp. 285–298. (In Russ.).

Soveshchanie po voprosam tekstologii [Meeting on issues of textual criticism]. *Izvestiia AN SSSR, Seriiia literatury i iazyka*, 1954, vol. XIII, no. 4, pp. 392–396. (In Russ.).

Tsiavlovskii M.A. Stikhotvoreniia, obrashchennye k dekabristu V.F. Raevskomu [Poems addressed to the Decembrist Rayevsky]. Tsiavlovskii M.A. *Stat'i o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1962. pp. 15–27. (In Russ.).

Vinogradov V.V. *Iazyk i stil' russkikh pisatelei. Ot Karamzina do Gogolia* [Language and style of Russian writers. From Karamzin to Gogol]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 390 p. (In Russ.).

Vinogradov V.V. *Problema avtorstva i teoriiia stilei* [Problem of authorship and style theory]. Moscow, GIHL Publ., 1961. 616 p. (In Russ.).

**“The great experience is accumulated,
but not generalized...”:
Unpublished reports and notes by J.G. Oksman**

©, 2018, Maxim Frolov

Abstract: The publication includes J.G. Oksman's reports and notes on questions of textual criticism, first published on transcripts (Archive of the Russian Academy of Sciences) and author's autographs (RGALI). The introductory article, based on the materials of the scientist's personal archival found, his correspondence with colleagues and other sources, tells about the evolution of the scientist's views on the value and tasks of textology, about his own parennial practice, about his participation in the preparation of academic editions of the A.S.Pushkin's, A.I. Herzen's, V.G. Belinsky's, I.S. Turgenev's heritage, about his experience of solution of textual tasks.

Keywords: J.G. Oksman, A.S. Pushkin, A.I. Herzen, V.G. Belinsky, I.S. Turgenev, textual criticism.

Information about the author: Maxim Frolov, PhD, senior research associate, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: m.a.frolov@gmail.com

Citation: Frolov Maxim. “The great experience is accumulated, but not generalized...”: Unpublished reports and notes by J.G. Oksman. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 384–436.